

Григорий Ельцов

ИСТОРИЯ
ОДНОГО
ОЗАРЕНИЯ

Григорий Ельцов

История одного озарения

«Грифон»

2018

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Ельцов Г.

История одного озарения / Г. Ельцов — «Грифон», 2018

ISBN 978-5-98862-382-3

Это рассказ о двух сёстрах, каждая из которых мечтает о жизни гораздо лучшей, чем жизнь их родителей. Это – роман, в котором сплелись воедино три основные линии творчества писателя: обличительная, психологическая и романтико-философская. И это – история противостояния человека с научным взглядом на мир буржуазно-обывательскому миру, в котором деньги и положение в обществе являются определяющими, а знания и способности принято презирать. В центре повествования – история озарения младшей сестры Маши, которая вдруг почувствовала, что ей по силам внести значительный вклад в науку. Но хорошо знакомый преподаватель, вникнув в идеи Маши, призывает девушку не торопиться, уверяя, что по-настоящему зрелые идеи – впереди. Но как долго можно вынашивать в голове собственные идеи, когда в твоей семье – бардак, в стране – безработица и кругом – отсутствие веры в значимость какой-либо деятельности, не приносящей сиюминутного дохода? Сумеет ли Маша выдержать испытания и пронести своё озарение через все невзгоды? Или буржуазный мир поглотит её и погасит озарение?

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-98862-382-3

© Ельцов Г., 2018

© Грифон, 2018

Григорий Ельцов

История одного озарения

Даже детская жизнерадостность Риты и Маши и ощущение своих способностей построить в будущем мир, функционирующий по своим собственным, уникальным законам, присутствующее детству, не спасали девочек от тоски, когда они оставались с родителями и направлялись в свой привычный мир – мир своего города, своей квартиры.

Когда девочки с отцом и матерью садились в метро, возвращаясь поздно вечером из гостей, Рита обижалась на родителей, если те выбирали места в самом углу вагона. В углу было только шесть мест, поэтому он казался Рите скучным. Другое дело – посередине вагона. Ей представлялось, что лучшие люди должны сидеть там, где больше народа и где умещаются люди из самых разных семей.

Семья была для Риты источником вдохновения. Когда она вырастет, будет жить по-другому, не так, как отец и мать! Жизнь родителей виделась Рите ужасно скучной. Ей было странно наблюдать, как мать и отец нехотя соглашаются приехать в гости и как они с удовольствием уезжают оттуда, не испытывая сожаления. Она была уверена, что в гостях всегда весело, а у них дома – скучно. «Странно, что родители этого не замечают», – думала Рита.

В гости семья ездила только к тётке Наде с дядей Васей. Тётя Надя была родной сестрой матери, а дядя Вася – её четвёртым или пятым мужем или просто сожителем, – Рита этого точно никогда не знала. Образ жизни тёти Нади вызывал у девочки симпатию.

Родители её были бедными. Отец – простой работяга, а мать – продавец в универсаме. Риту раздражало то, что отец любил ходить в простых спортивных штанах: джинсы он надевал только в редких случаях. Рита стыдилась своих родителей.

Младшая сестра Риты Маша тоже стыдилась родителей, но при этом и образ жизни тёти Нади не вызывал у неё симпатии. В людях она больше всего ценила не общительность, а равнодушие. А все общительные люди казались Маше именно равнодушными, неживыми и преследующими свои корыстные цели. Не такой она будет, когда вырастет!

Когда семья оказывалась на площади трёх вокзалов, Маша начинала чувствовать чуть ли не физическое отвращение – к попрошайкам, к пьяным, ко всяким торгашам, то и дело высывающимся из палаток и ларьков и норовящим продать что-нибудь. Её взор искал трезвые серьёзные лица, и Маша была счастлива, отыскав взглядом какую-нибудь приличную семью, солидную пару или стоящих в одиночестве интеллигентных людей, ожидающих электричку.

Надо сказать, что её сестра Рита ничего похожего на отвращение не испытывала, несмотря на то, что она вроде как презирала нищету, а площадь трёх вокзалов, вероятно, у многих людей разных поколений, живущих или когда-то живших в Москве, ассоциируется с нищетой в первую очередь, а уже потом – с электричками, поездами и путешествиями. Рита стыдилась только своих родителей; о родителях она думала много, а о том, что собой представляют другие люди, задумывалась редко.

Часто, возвращаясь домой из гостей, родители ссорились. Мать и отец говорили друг другу ужасные слова, и Маша недоумевала: как после таких слов можно продолжать жить под одной крышей, как, спустя уже несколько часов, можно вполне себе мирно беседовать, будто ничего не произошло.

Ссоры происходили, как правило, из-за каких-то мелочей: опоздали на электричку – потому что отец долго покупал джин-тоник, вышли не там из метро или что-нибудь ещё в этом роде. Маша думала, что в глазах людей всё это должно выглядеть ужасно нелепым; она постоянно искала сочувствия у других. Но другие люди, похоже, не видели ничего странного в том, что муж и жена беспокоятся об электричке больше, чем о нарушении жизнерадостности своих детей. Казалось, наличие детей, напротив, оправдывало в глазах людей беспокойство,

нервозность и взаимную неприязнь родителей. Сочувствия ждать не приходилось, но Маша считала, что это только на Ленинградском вокзале происходят подобные вещи. Она каждый раз, когда чуть отъезжали от вокзала, видела другие пути, уходящие куда-то совсем в другую сторону, и на них стояли или «простукивали» мимо совсем другие электрички. Они казались Маше более совершенными; думалось, что и люди в них совсем другие. Куда едут те, другие, электрички? Почему Машу занесло не туда, а именно сюда, где так тоскливо и где все люди будто вынуждены прятать всё лучшее, что в них есть?

В такой атмосфере простое человеческое общение было неуместным, поэтому Маша не любила, когда родители с кем-то заговаривали, например, с соседями по скамейке в электричке, но, когда это всё-таки происходило, она видела в людях, в том числе и в отце с матерью, некий потенциал, существование которого было крайне сложно предсказать в столь убогой атмосфере, и интуитивно догадывалась, что каждый отдельный человек намного лучше, чем общество в целом, и что бояться надо не конкретных людей, а само место и время, в которое её почему-то занесло. И именно поэтому у неё возникало чувство неловкости и даже жалости, когда родители с кем-то заговаривали. Так иной раз возникает жалость к собаке, которая вдруг обнаруживает какие-то человеческие потребности, но при этом продолжает радоваться своей собачьей жизни.

Маша недоумевала, когда видела радость на лицах других детей. Неужели они свыклись с мыслью, что всё происходящее – нормально? Всё-всё – и вонища в тамбурах, и пьяные футбольные фанаты, и выяснение отношений. Неужели они не видят у людей того самого потенциала? Самой Маше казалось, что в её голове должно что-то оборваться, чтобы у неё возникло желание смеяться и веселиться во время этого пути до дома.

Поездка до дома в электричке проходила, как правило, спокойно, без сильных переживаний и расстройств. Но, когда доезжали до Зеленограда, накатывала новая, особенно мощная волна уныния. Вспоминался весь день, и начинало казаться, что тоска, настойчиво сопровождавшая Машу в течение всего этого дня, была вызвана ожиданием именно этого момента, когда они с отцом, матерью и Ритой выйдут из холодного, заплёванного и вонючего тамбура на ещё более холодную улицу и направятся по подземному переходу на автобусную остановку.

Идя по переходу, Маша всё время посматривала по сторонам, надеясь отыскать взглядом бомжа, который в то время всё время обитал там. Маша хотела лишний раз увидеть этого человека, чтобы выявить у него какие-то отличительные признаки во внутреннем облике и попытаться понять, почему именно этому человеку суждено жить в переходе.

Автобусы в выходные дни ходили плохо, особенно ближе к ночи. Маша думала, что дойти до дома пешком было бы проще, но родителям так не казалось, поэтому иногда приходилось стоять на морозе по двадцать-тридцать минут, прежде чем подъезжал нужный им «скотовоз», пылящий и воняющий дешёвым горючим. В то время возле станции ещё не было никаких торговых центров и больших магазинов, поэтому даже никакие неоновые огни своим светом не скрашивали ожидание.

Путь до дома на автобусе не интересовал Машу, потому что в то время в новом Зеленограде всё стремительно менялось: строились новые высокие дома и целые районы, а домики деревенского типа сносились; автобусы меняли свои маршруты каждый раз, поэтому её сознанию, цепляющемуся за стабильность, было не за что ухватиться. И только четыре пятиэтажки, следующие одна за другой, неизменно обращали на себя внимание Маши с тех самых пор, как они переехали в Зеленоград. Эти дома, как Останкинская башня в электричке, приковывали к себе взгляд. Слишком низкие по сравнению с другими домами в новом городе, но в то же время, видимо, ещё достаточно надёжные, они выделялись стабильностью на фоне глобальных изменений.

После выхода на нужной остановке становилось совсем тоскливо. Остановка эта находилась возле депо, из которого постоянно доносился скрип и лязг. Вид какой-нибудь калинин-

ской электрички, быстро набирающей ход, мог бы поднять настроение Маши, но в позднее время электрички ходили только до Зеленограда, после чего с привычным скрипом и лязгом устраивались на ночёвку.

Возле дома, как правило, было бесшумно и спокойно. Только со стадиона доносились голоса молодёжи да редкие удары шайбы или мяча о деревянный борт. В хоккей или футбол никто не играл: на «коробке» в это время суток собирались в основном старшеклассники, чтоб покурить, спрятавшись за бортом от окон родительского дома, да просто тупо пощёлкать шайбой об борт. Иногда, когда было особенно холодно, работники ЖЭКа заливали каток. Но даже вид этих замученных и замёрзших людей, получающих копейки за свой неприятный труд, не делал для Маши приятным вход в свою тёплую квартиру.

* * *

Но не всё было так плохо в жизни Маши. Хорошее и плохое всегда чередовалось. Пожалуй, если бы не было плохого, то и хорошее не казалось бы таковым.

Ещё в самом начале школьного обучения Маше понравился учебник естествознания, но особую связь с ним девочка ощутила только спустя несколько дней после того, как начались её первые летние каникулы. Это были дни, которые сама Маша впоследствии назвала днями дружбы, потому что у неё в один день появилось сразу несколько новых подруг. И это были дни «научных исследований», потому что девочка легко уговорила своих новых подруг сходить на «гранитное поле».

– Видите эти камни? – говорила она увлечённо. – Они блестят. Так блестит только гранит. Я видела это в учебнике. Надо их собрать побольше. Так делают учёные. Я слышала, по камням можно узнать различную информацию о том месте, где их нашли.

И ей верили, хотя в компании никто никогда не мечтал заниматься чем-то подобным.

Маше казалось, что даже взрослые, проходившие мимо «гранитного поля», по которому они ползали с коробками из-под обуви, непременно должны проявить интерес к её затее, должны оценить по достоинству стремление девочек насобирать как можно большее количество камешков с целью их дальнейшего исследования.

Возможно, чужие люди, проходившие мимо, и восхищались предприимчивостью подруг, а также их жадной получением полезной геологической информации, но вот на родителей Маши «геологическая экспедиция» не произвела впечатления.

– Выкинь ты их, – потребовала мать. – Наша квартира – это не лаборатория. Гранит – вредная штука. Говорят, что люди, которые делают памятники из гранита, умирают раньше других. А те, кто работает в метро, где много гранита, часто имеет специфические болезни.

– Ничего страшного не случится, – твёрдо настаивала на своём Маша.

Но коробку из-под обуви, набитую камнями, она на следующий день не обнаружила на том месте, где оставила. От досады Маша наорала на мать.

– Да успокойся ты, – примирительным тоном сказала мать. – Этих камней кругом полно. Играйте лучше с ними на улице, нечего носить их сюда, в нашу квартиру. Что это у тебя за подружки, кстати? Раньше только и дружила с Ирой, а сейчас вас целая толпа. Это Ира тебя познакомила? Я так и знала. Я видела недавно, как вы подходили к какой-то машине. Не вздумай связываться с чужими людьми! Запросто увезут куда-нибудь. Знаешь, сколько сейчас бродит ненормальных?

– А вот и буду подходить к чужим людям, раз родным наплевать на меня. А камней этих не так уж много! Это полезные ископаемые, между прочим...

– Что значит – наплевать?! Вон сколько мы с отцом купили тебе одежды. Красивая поедешь в деревню! Кстати, там в речке полным-полно камней. Можно такие найти, что все

подруги обзавидуются. А иной раз можно выловить ещё и много чего интересного, помимо камней. Ракушки, например. Мы в детстве любили играть в речке...

– Мы тоже играли в речке, когда ещё Лёшка Золотов приезжал. Они с Ритой выловили только какие-то труссы. Лёшка говорил, что это труссы барина, поэтому не расставался с ними до тех пор, пока дядя Витя как-то не обозвал Лёшку бабой, полоскающей труссы. Лёшка сказал, что труссы не простые, а барские. Тогда дядя Витя схватил их и швырнул в кусты; они там до сих пор висят на иве. Дядя Витя сказал, что мы ещё успеем настираться барских труссов, когда социализм рухнет окончательно. Хотя ещё Лёшка выловил колесо, галошу и чугунок.

– Какие вы, оказывается, находчивые! Отец ваш всё любил искать монеты и письма в барском доме. Давно там не был, хотя наверняка можно ещё много чего там найти.

– Но это история, это люди. А камни придумала сама природа...

– Ладно, хватит болтать. Мне пора на рынок бежать. Ты на день рождения будешь кого приглашать? Стол вам надо накрывать?

– Все уезжают в деревню раньше меня.

– Булыгины приедут к нам второго числа. Привыкай к этой фамилии. Собираются пораньше, потому что им ещё надо в старый город заехать к кому-то. Ты никогда не ездила на машине? Да, я тоже никогда не ездила в деревню на машине.

Гранит Маша больше не ходила собирать, но жажда естественнонаучных знаний после разговора с матерью у неё не иссякла. Уже на следующий день во дворе нашли аккумулятор. Ребята норовили утащить его куда-нибудь в укромный уголок и там разбить. Маша хотела, чтобы это происходило у неё на глазах, хотя другие девчонки не проявляли никакого интереса к аккумулятору.

Наконец аккумулятор был успешно перенесён в кусты. Ребята принялись бить по нему «кирками» – металлическими ржавыми палками, обнаруженными там же, где и аккумулятор. Было так весело, что никто даже не заметил, как от кислоты стали образовываться дырки в одежде. Новые футболка и шорты Маши оказались прожжёнными в нескольких местах. А ведь она так любила этот летний костюм с динозаврами!

– Лучше бы ты и дальше собирала камни! – негодовала мать. – Ишь, чего выдумали – кислотой брызгаться!

Подруги вскоре начали разъезжаться, и было уже не с кем придумывать новые забавы. Но Маша не огорчалась и готовилась к собственному отъезду в деревню. Впервые она поедет в деревню на машине! И это произойдёт сразу же после её дня рождения!

В день рождения Маша гуляла одна. Из-за предстоящей поездки в деревню она была необычайно смела и не боялась заговаривать с теми случайно встреченными знакомыми, с которыми раньше никогда не разговаривала один на один. Она показывала всем игрушечного заводного динозаврика, которого родители подарили на день рождения, и говорила, что завтра уезжает в деревню. Маша понимала, что ведёт себя несдержанно, но ей нравилась реакция собеседников: они были вежливыми, совсем не такими, какими они обыкновенно бывали во время игр, но в то же время было видно, что они хотят отделаться от Маши. Вот что значит уверенность в завтрашнем дне! На долю людей, уверенных в завтрашнем дне, как правило, выпадает много тёплого общения. Но в то же время многие их избегают. Причём люди, вежливо и тепло с ними общающиеся, и люди, которые их избегают, – одни и те же.

Ближе к вечеру приехала двоюродная сестра с мужем. Они подарили Маше железную дорогу. Много времени ушло на её настройку.

– Своевременный подарок, – заметил отец. – Железная дорога теперь будет только игрушечной. Хотя на паровозе ездить в деревню было тоже весело. Тащить на себе все сумки...

– А это – аэропорт! – воскликнула Маша, указывая на домик, входивший в комплект.

– Причём здесь аэропорт, Маша? – спросила Наташа Булыгина, двоюродная сестра.

– А я так хочу.

– На «кукурузнике» ты ещё успела полетать, – ностальгическим тоном заметила мать.

Вечером Маша с отцом и Булыгиным поехала в старый город к каким-то общим знакомым. Пребывание в чужой квартире длилось недолго. Машу отвели в детскую комнату, где познакомили с маленьким мальчиком. Оставив детям тарелку с апельсинами, взрослые удалились на кухню. Маша долго не решалась есть апельсин, так как не умела чистить его только руками. Но маленький мальчик начал чистить апельсин зубами, и Маша смело последовала его примеру.

Она была рада вновь очутиться в машине Булыгина и поехать куда-нибудь по янтарному предзакатному Зеленограду.

Заехали на заправку. Машину обслуживали мальчики, потребовавшие по тысяче рублей каждому. Но Булыгин дал одну тысячу на всех.

Заехали на речку, чтобы помыть машину. И там тоже мальчики предложили свои услуги. Булыгин хотел было согласиться, но отец отговорил его.

– Маленькие паразиты, – проворчал он. – Получают-то больше, чем рабочие на заводе. Пускай домой дуют, уже ночь на носу.

– Ничего. Капитализм в России только начинается. Дальше бизнесменов будет ещё больше, – сказал Булыгин.

Дома мать с Ритой и Наташей разговаривали об успехах Риты, попивая чай на кухне. Рита вся лучилась от счастья: приезд двоюродной сестры всегда был для неё праздником, потому что ей казалось, что возраст Наташи – самый лучший, и, значит, нет ничего лучше общения с людьми этого возраста. И, чтобы доказать, что она достойна общаться на равных с представителями этой возрастной категории, Рита любила рассказывать о своих увлечениях и своей школьной успеваемости.

Машу же возраст других людей волновал не больше, чем поездка на машине в деревню; вид старых автомобилей, таких, как «Победа» или «Волга» самого первого образца, которые раз в семьдесят-восемьдесят километров возникали вдруг на дороге, как будто подчиняясь каким-то неведомым законам природы, проделав путь из прошлого в будущее; разговоры взрослых о том, что на улицах Москвы, пока они будут в деревне, возможно, снова появятся танки; названия населённых пунктов и речек, таких похожих друг на друга, но всё равно отличающихся названиями; электрички, проезжающие возле шлагбаумов, и их пассажиры, которые казались Маше грустными, потому что не ехали в их деревню; различные рычаги и кнопки в автомобиле; вид венков на обочинах, являющихся напоминанием об автомобильных катастрофах.

И мысли о возрасте не волновали Машу больше, чем воспоминания о недавних «научных экспедициях». Сколько таких будет ещё после деревни, а возможно – и в самой деревне! В любом возрасте можно быть самим собой. Порой в событиях, происходящих с нами, угадываются очертания будущих волнений и свершений. И чем чаще так происходит, тем мощнее работает сознание и приятнее уходящие в прошлое мгновенья. У каждого человека есть своя уникальная траектория, и сюжет своей жизни важно строить в её границах, чтобы, прокручивая в голове каждый отдельный эпизод, раскрывать перед собой всю жизнь.

Незадолго до поездки в деревню Маша смотрела по телевизору кино «Сто тысяч долларов на солнце». Оно ей очень понравилось и на долгие годы стало одним из самых любимых. Потом она долго будет искать этот фильм в телевизионных программах и в магазинах с видеокассетами. И только уже в одиннадцатом классе Маша посмотрит этот фильм второй раз. А до тех пор она любила додумывать эту кинокартину. Дело в том, что в первый раз она смотрела её не с начала, и поэтому сюжет был ей не очень понятен. К тому же детский возраст наверняка не позволял верно оценивать происходящее в фильме. Как выяснилось после второго просмотра, Машина фантазия совсем не совпадала с фантазией создателей фильма. Почему-то все годы, прошедшие от первого просмотра до второго, Маше казалось, что фильм серьёз-

ный, но он оказался на самом деле скорее комедийным. Маша даже огорчилась этому, хотя менее интересным фильм после второго просмотра ей не показался. Скорее даже наоборот – она восхитилась простотой. А затем был третий, четвёртый, пятый просмотры... И фильм всё-таки надоедал. Зато не надоедало каждый раз вспоминать первый просмотр и ощущать дуновение тех дней, когда он происходил. Казалось, в памяти Маши сохранились мельчайшие детали первого просмотра: в какой позе она лежала или сидела в такой-то момент, о чём подумала в другой момент и так далее. Одним словом, само кино потеряло какую-либо самостоятельную ценность, а экран, на котором оно показывалось, превратился в экран с воспоминаниями, на котором отображались мельчайшие движения души, тела и мысли, не обращающие на себя внимание тогда и вызванные совсем не просмотром фильма, а только происходящие на его фоне. Так человек, приковывая внимание исключительно к сюжету своей жизни, не замечает каких-то мелочей, которые, собственно, и являются траекторией жизни. И только время и экран с воспоминаниями позволяют разглядеть за сюжетными поворотами и формой уникальность собственной жизни и позволяют восхититься ею.

Неизвестное начало. Сюжет, который предстоит разгадать. Длительное серьёзное отношение к тому, что на самом деле оказалось смешным. Разочарование после того, как исчезла прелесть домысливания. Всё больше и больше надоедающая простота и всё большее обращение к воспоминаниям. На что-то это всё похоже!

* * *

Родители Маши и Риты – Валентина и Михаил, как уже говорилось, были бедными и часто ссорились. Маленькая Маша боялась, что однажды отец убьёт мать, боялась, что однажды их московскую квартиру зальёт кровью. Ей казалось, что в человеке так много крови, что, когда его убивают ударом ножа, кровь может полностью залить большое помещение. Ссоры представлялись Маше настолько противоестественными, что она была убеждена: почти все они должны заканчиваться кровопролитием. Филогенетическая память возвращала её в те времена, когда выяснения отношений ещё не являлись способом развлечения и смыслом жизни.

Одно из самых первых и самое яркое воспоминание Маши такое: она с матерью идёт на остановку, чтобы добраться на троллейбусе до поликлиники. Когда они уже подходили к остановке, им навстречу поехал троллейбус, и мать заспешила. Маша недоумевала, зачем им нужен этот троллейбус, ведь он идёт в ту сторону, из которой идут они. Неужели они напрасно шли? Именно это незначительное событие как бы включило долговременную память Маши.

А что было раньше? Почему она здесь? Неизвестное начало!

Главные события московского периода жизни происходили на маленькой детской площадке во дворе. Маленькой она была в реальности, хотя Маше казалось, что детская площадка огромная, раз вмещает в себя почти все самые яркие события её жизни. На экране с воспоминаниями не осталось никаких лиц. Какими были её друзья раннего детства, Маша не помнила. Помнила только, что у Миши была собака колли, что он всегда ходил в сером комбинезоне, что её ровесник Вова – «бедовый малый», что Коля Большой и Саша не любили гулять с ней и Вовой, считая их мелюзгой.

Однажды Маша сидела с Вовой на горке.

– Выйдешь сегодня? – спросил Вова.

– Я вечером не выхожу. Не разрешают.

– Мне тоже. Но я скажу Саше, чтобы он уговорил мать. И ты поговори с сестрой.

Предложение было заманчивым. Давно Маша мечтала выйти на детскую площадку вечером, побыть с друзьями тогда, когда хочется ей самой, а не родителям.

– У тебя сестра-то нормальная, – продолжал строить планы Вова. – Это Сашка у меня дурак, не может по-хорошему. Лишь бы мне сделать западло.

Маша окинула взглядом площадку: Рита с Юлей на лавке раскладывали игрушки, Серёжа, Коля Маленький и Саша возились в песочнице. Не было только Коли Большого и Миши. Возможно, впервые в жизни в сердце Маши ворвалась скука, впервые будничное настроение завладело ею. До этого всё было ей в новинку. Казалось, каждая мелочь служила для того, чтобы раскрасить праздник её жизни. И как Маше захотелось выйти гулять вечером! Ведь днём уже нет ничего интересного.

Маша скатилась с горки и подошла к Рите.

– А вы сегодня будете гулять вечером? Можно с вами?

– Кто тебе посоветовал? – возмутилась Юля. – Этот, что ль?

Маша умоляюще смотрела на Риту, надеясь, что та будет хотя бы не так громко орать, как её подруга. Маша догадывалась, что подводит Вову. Если разговор услышит старший брат Вовы – Саша, то Вове может сильно достаться.

– Поговори с мамой, – сказала Рита.

– А не можешь ты поговорить?

– Посмотрим.

– Саша! – заорала Юля. – Слышишь, чего придумал белобрысый – гулять по вечерам!

Нашёл себе сообщника.

– Чего ты орёшь, дура? – с горки крикнул Вова.

– Ты кого дурой назвал? – встал в песочнице Саша. – А ну иди сюда. Мало тебе отец по жопе надавал два дня назад! Сейчас я тебе сам настучу!

Вова скатился с горки и побежал от брата. Погоня длилась довольно долго, но всё же Саша поймал Вову.

– Ты куда собрался сегодня? Хочешь, чтобы я весь день нянчился с тобой? Нет уж, не буду. И матери с отцом скажу, чтобы никуда не пускали тебя.

Отвесив брату подзатыльник, Саша отпустил его. Обиженный Вова направился в сторону своего дома. Проходя возле лавки, на которой играли девочки, он бросил:

– Дуры.

Маша смекнула, что это не в последнюю очередь относится и к ней.

– Куда пошёл? – крикнул Саша.

– Отвали, козёл.

Возможно, потому, что Вова, чьи надежды на весёлый вечер рухнули, выглядел слишком жалко, Рита попросила мать пустить гулять Машу.

– Я за ней присмотрю, – заверила Рита.

И это был чудесный вечер! Увидеть своих друзей в непривычное время было очень кстати: душу Маши всегда переполнял восторг, когда что-то менялось, но что-то оставалось прежним. В данном случае поменялось время суток, а прежним осталось то, что детская площадка принадлежит ей и её друзьям – тем же самым, с которыми она много раз гуляла днём. Такие ситуации словно подтверждали, что люди – это не какие-то нарисованные персонажи на картинке и способные существовать только в рамках одной композиции. Такие ситуации заставляли думать, что жизнь – классная штука.

Не было Вовы, зато вышли Коля Большой и Миша. Маша до сих пор чувствовала свою вину перед Вовой, который, можно сказать, ценой собственной свободы помог обрести свободу Маше. Но, с другой стороны, отсутствие ровесника было даже приятно, так как позволяло ощущать себя самой маленькой, самой особенной.

На детской площадке всегда были только свои. Иначе было в «Дубках», куда они часто ездили с родителями и с Серёжей и его родителями. Там было много других людей, Маша помнила их. Помнила не столько их физическую близость, сколько своё чувство одиночества. Чувство одиночества материализовалось на экране с воспоминаниями в незнакомых и чужих людей. Сильно не хватало других ребят и девчонок с детской площадки, таких знакомых и

привычных. Маша никогда особо не мечтала поскорее стать взрослой. Но в «Дубках» иногда её посещали мысли о том, что, когда они все станут взрослыми, они всей компанией, а не только двумя семействами, будут ездить на трамвае в «Дубки».

Помимо детской площадки на экране с воспоминаниями остались ещё многочисленные поездки в зоопарк. Но больше всего запомнилась поездка в цирк. Как ехали туда, Маша не помнила. Зато хорошо запомнила сам цирк и поездку обратно. Казалось, она запомнила даже посторонних людей в вагоне метро, как будто сильно хотела поделиться с ними своим восторгом от увиденного в цирке. Приятное времяпрепровождение обострило сознание и сделало Машу более внимательной к другим людям.

Мать купила им в цирке разноцветный бумажный веер и воздушный шарик. На экране с воспоминаниями не осталось цвета шарика, зато он сам запомнился – благодаря тому, что всё время тяготел к потолку. А веер долго валялся на полке – там же, где лежала коробка с фантиками и вкладышами. И он всегда напоминал о той самой поездке в цирк; Маша даже улавливала связь между цветом веера и названием метро «Цветной бульвар», возле которой находился цирк. «Наверное, больше нигде не продаются такие разноцветные веера», – решила она.

А вот в театре Маше не понравилось. Она даже не запомнила, с кем была там. Вроде бы одна, ну, в смысле – только с родными. Хотя это маловероятно. Наверняка там, как и в цирке, были Серёжа и его мать, а, может, и ещё кто. Казалось, спектакль был таким длинным, что растянулся на несколько недель. Да и вообще это нехорошее воспоминание.

Почему-то тот самый театр из её детства всегда ассоциировался с другим событием – поездкой к врачу, когда Маше в глаз попала соринка. Это случилось через несколько дней после поездки в театр. Возможно, именно поэтому воспоминание о театре было неприятным. Просто на него наслоилося другое. Для счастливого воспоминания необходимо много стабильного пространства, потому что человек не может быть по-настоящему счастливым только из-за одного какого-то действия. И каждое действие – это результат предыдущих действий. Если Маше попала в глаз соринка и она была вынуждена поехать к врачу, то не последнюю роль в этом событии сыграл и театр, в котором Маша была незадолго до этого. Глупость и абсурд, конечно, но что поделать, если человек, наблюдая за своей жизнью с экрана воспоминаний, способен оценивать только более-менее целую картину, а не отдельные эпизоды.

Вся семья – мама, папа, бабушка, дедушка, Рита, Маша – жила в двухкомнатной московской квартире. На экране с воспоминаниями Маши остались вечера, проводимые в комнате бабушки с дедушкой. Эти вечера – самое запомнившееся из того, что происходило дома в первые четыре года жизни. От бабушки Маша узнала, что Ельцин – недалёковидный политик, а Горбачёв ещё хуже. Бабушка не объяснила, почему так, но Маша была согласна с ней. Ей даже нравилась мысль о том, что она живёт в разрушенной стране, которая вздумала жить по другим законам, сильно отличающимся от предыдущих. Ей нравилась мысль о том, что сейчас всё плохо, потому что это позволяло надеяться на то, что лучшее впереди, и потому, что её сознание само только начинало свой путь, как новая страна Россия. И каждый раз открывать для себя что-то новое хотелось вместе со всей страной.

* * *

Когда Маше было четыре года, семье дали квартиру в Зеленограде. Первая поездка в новую квартиру состоялась в декабре, и, когда семейство добралось на электричке до Зеленограда, было уже темно. Поэтому Маше показалось, что поездка длилась как минимум часов двенадцать и что Зеленоград находится как минимум в четырёхстах километрах от Москвы, ведь даже когда они ехали в августе из деревни в Москву, стемнеть за окном не успело. И Маша спросила у родителей:

– А на чём мы будем спать?

Родители лишь рассмеялись и сказали, что спать они будут дома.

Поездка домой уже не показалась Маше столь долгой.

А затем был длинный переезд. Бесконечная возня, непрекращающиеся крики. Казалось, это не закончится никогда. Маша искренне недоумевала: откуда взялось столько вещей. Столько было ссор во время этого нудного переезда! Родители Маши никогда не относились друг к другу особенно миролюбиво, но во время переезда ссоры возникали буквально на ровном месте.

На экране с воспоминаниями переезд – это, в первую очередь, разбитый стеклянный цветок возле московского дома. Отец неловко положил его в кузов «Газели», и мать ругалась всю дорогу. Цветок долго не выходил у неё из головы. Во вторую очередь переезд ассоциировался с четырьмя пятиэтажками уже в Зеленограде, которые больше других зданий напоминали их десятиэтажный московский дом. Маша ещё тогда, когда они в первый раз ездили в Зеленоград, обратила из окна автобуса внимание на эти здания, стоящие одно за другим.

Переезд состоялся под самый Новый год, и это, похоже, добавило праздничного настроения родителям Маши, которые боялись, что не успеют перевезти всё до праздника. Но сама Маша была безутешна. Свой первый Новый год, который остался на экране с воспоминаниями, Маша встречала в глубокой печали. Так хотелось ей назад в Москву! В маленькую квартиру – шумную и пыльную от автомобильного движения прямо под окном, но зато знакомую и привычную, где так приятно было по вечерам смотреть по телевизору на лица политиков в комнате бабушки. И надо же было случиться этому переезду как раз в такое время, время загорающего сознания! И самое удивительное, самое фантастическое – Маша не сомневалась, что этот переезд не последний; ей почему-то стало казаться, что подобные переезды будут осуществляться теперь каждые четыре года, и каждые четыре года Маша будет всё дальше удаляться в том же направлении от детской площадки в московском дворике, на которой она когда-то искала клад вместе с Мишей, Серёжей, Юлей, Сашей, Колей Большим, Колей Маленьким, Вовой. С одной стороны, это говорит о том, что Маша не была любопытной. Было бы иначе – спросила у родителей, зачем они переехали и надолго ли. С другой стороны, это говорит о том, что сознание её, едва загоревшись, словно потекло в неизведанные дали, не натываясь на опыт других людей. Её неосведомлённость о том, что происходит вокруг, как вообще всё устроено в жизни, буквально граничила с психическими аномалиями, но вместе с тем позволяла сознанию самому освещать ей жизненный путь.

Рита же была более просвещённой, если так можно сказать. Она родилась, казалось, уже со знанием того, что они переедут в Зеленоград: настолько равнодушно она отнеслась к переезду.

В первые месяцы после переезда Маша подолгу сидела на кухонном столе возле окна и смотрела на пустырь во дворе, на железную дорогу, за которой находился «Хлебозавод», и много чего ещё. Маша вылавливала глазами автобусы на той стороне, которые то скрывались за постройками, то вновь появлялись в её поле зрения.

А через несколько месяцев за окном началась стройка, и высокое длинное здание должно было заслонить от Маши железную дорогу, разделяющую новый Зеленоград от старого. Пустыря больше не было.

Семья часто ездила в Москву на старую квартиру, к бабушке и дедушке, и постепенно Маша выучила названия всех станций от Зеленограда до Москвы. А когда возле Савёловского вокзала, недалеко от которого располагался их московский дом, Маша видела электричку, она гадала, куда та может ехать. Ей казалось, что путь её долгий-долгий, что, возможно, она отправляется куда-нибудь на юг, куда каждое лето ездила бабушка.

Встречи со старыми друзьями уже не были столь приятными. Слишком многое изменилось. Игры уже были другие. Да и Машу словно вообще не узнавали, поэтому стройка за

окном зеленоградской квартиры переставала быть чужой и постепенно становилась своей. И ничьей другой. Впервые Маша задумалась о том, что все люди чужие друг другу, впервые в голову закралась мысль о строительстве своего индивидуального мира. Получалось, что мысли о будущем впервые возникли тогда, когда у неё появилось прошлое.

Процесс адаптации к жизни в новых условиях совпал у Маши с процессом адаптации её сознания к земным условиям. Мир казался ей огромным и пугающим. Хотелось сжаться куда-нибудь в свою личную траекторию, чтобы лишиться себя выбора как действовать, лишиться разнообразия. Например, залезть на какой-нибудь парашют и шагать по нему. Или же шагать по бордюрам, представляя, что от удачного прохождения дистанции зависит судьба – твоя собственная, а, может быть, и всего мира. Шагать по плитам, не наступая на многочисленные стыки. Не останавливаться где-нибудь посередине, а всё время идти до упора, по своей узкой траектории, усилием воли лишая себя выбора какого-либо иного пути, чтобы потом легко можно было найти следы...

Частицы материи, разлитые по скучному и безмолвному космосу, соединившись в человеческий разум, ещё не успев адаптироваться к земным условиям, искали самые примитивные, быстро попадающиеся на пути развлечения, чтобы противопоставить миллиардам бездейственных лет, подчиняющимся только законам физики, одно единственное мгновение триумфа человеческой воли над предрасположенностью и обречённостью.

В детстве – самые примитивные методы поиска стабильности и сужения действительности. С возрастом, по мере того, как человек накапливает опыт, методы лишения себя выбора меняются. Зацикливание на какой-либо идее, на каком-либо образе жизни похоже на ходьбу по бордюрам в детстве. И то, и другое невозможно без представления о том, что от удачного прохождения дистанции зависит судьба. В человеке словно заложен механизм воспроизведения своего предыдущего опыта, каждый последующий шаг должен быть похожим на предыдущий. И без этого механизма люди бы менялись каждую минуту, стёрлась бы разница между индивидуумами, все стали бы одинаковыми. И без этого механизма мы бы не были прикованы к себе.

Больше всего Маше запомнились прогулки возле Дворца культуры, где было много фонтанов, парашютов и плит. А ещё там было водохранилище, по одну сторону которого находились мраморные тёмно-синие и голубые фонтаны, а по другую – заводы «Элма» и «Ангстрем», которые были такого же цвета, как и фонтаны на другой стороне, отчего казалось, что фонтаны и заводы когда-то были одним целым, но потом их разделило водное пространство. Сперва Маша была убеждена, что это водное пространство – океан, так как много раз слышала, что в Зеленограде есть океан. Но океаном оказался магазин морепродуктов.

Рите же, похоже, не казалось, что многое изменилось в отношениях со старыми друзьями. Видимо, она никогда не ощущала особой близости с ними, поэтому не могла заметить пропасти, образовавшейся между ними после переезда. Она уже успела походить в московскую школу. Дела у неё там шли не так хорошо, а в зеленоградской школе она стала учиться гораздо лучше.

Но главные воспоминания Маши о пяти-шестилетнем возрасте связаны с деревней. Подобно тому, как за окном зеленоградской квартиры железная дорога разделяла привычный мир нового города от незнакомого мира старого, так в деревне речка разделяла их тихую сторону от незнакомой шумной стороны, откуда всё время неслись какие-то звуки, странные голоса. Кто там делает и что? Зачем? Пройдёт время, и Маша прочитает об обращении к инопланетянам, которое американцы записали на диски и запустили в далёкий космос вместе с аппаратами «Вояджер». В этом обращении президент США говорит о том, что «мы выживаем в своё время, чтобы когда-нибудь жить в вашем». Также на дисках записаны звуки человеческой деятельности. Маша никогда не слышала этих звуков, но, если бы она сама отправляла в космос подобное послание, она бы записала те звуки, которые доносились с другой стороны речки.

Ей казалось, что эти звуки лучше всего иллюстрируют биологическое слово «выживают». Настолько бессмысленной казалась эта деятельность! Муравьи в муравейнике, если бы умели разговаривать человеческим языком, кричали бы, наверное, так же. Издавали бы такие же звуки, если бы умели пользоваться инструментами и сельскохозяйственной техникой. Пройдёт не так уж много времени, и от этих звуков останется только эхо, иногда воскрешаемое в человеческой памяти. А результаты деятельности, вызывавшей эти звуки, станут никому не нужны.

Маше почему-то казалось, что за речкой строят дорогу, чтобы до деревни можно было нормально доезжать на автобусе. Дело в том, что однажды они с семьёй ездили в деревню на жёлтом автобусе, похожем на тот, который был в мультфильме про Фунтика. Изначально это был грузовичок, но потом ему приделали жёлтый салон, и получился уютный автобус с маленькими окошками. Это ужасное воспоминание! Мужчины ругались всю дорогу, особенно под конец, когда уже подъезжали к деревне. Несколько раз приходилось выходить из автобуса, когда он застревал в глубоких колдобинах. До деревни добрались только глубокой ночью, хотя выезжали утром. Это было первое лето после переезда в Зеленоград, поэтому Маше больше всего запомнилось в тот день то, что происходило по приезду в Москву, а именно – то, что было в метро на станции «Петровско-Разумовская», где они встретились с тётёй Надей и ещё кем-то: её сознание всегда оживлялось при соприкосновении с прошлым, а метро отличало прошлый, московский период жизни от нынешнего, зеленоградского. Рита спросила тогда Машу интригующим тоном, пока они стояли на платформе:

– Ты знаешь, что это за звуки?

– Метро, – неуверенно ответила Маша, понимая, что этот ответ неправильный, но не догадываясь, что хочет от неё сестра.

– Нет, это цыплята.

Маша даже разочаровалась, услышав такой ответ.

Только на выходе из метро Маша узнала, что им предстоит проехать несколько остановок на городском автобусе, а затем пересесть на какой-то другой автобус, который довезёт их прямо до деревни. В тот день Маша даже не обратила внимание на причудливость жёлтого автобуса, поскольку была сосредоточена на том, что происходило внутри него. Лишь спустя несколько лет этот автобус, заляпанный грязью и стоящий возле тока, обратил на себя внимание Маши своей причудливостью. Выглядел он неважно, но по-прежнему ездил по отвратительным деревенским дорогам, которые, однако же, обещали отремонтировать.

И дорогу там действительно отремонтировали. Но не для того, чтобы можно было быстро и без приключений добираться целыми семьями до деревни на автобусе из Москвы и Калуги, а чтобы можно было через несколько лет по этой дороге переехать «выживать» куда-нибудь в крупные города и вывезти всё своё имущество.

Самое первое деревенское воспоминание Маши настолько смутное, что, возможно, даже не является воспоминанием, а лишь игрой воображения, возможно, даже сном. Она с бабушкой, сестрой и ровесником Риты Лёшей Золотовым находятся на какой-то поляне. Куда им надо идти – неизвестно. По всей видимости, куда-то очень далеко, потому что бабушка предлагает отдохнуть. Но Рита и Лёша не хотят слышать об отдыхе; они уже взрослые, и сил у них много. И бабушка с Машей остаются на поляне, а Рита с Лёшей идут дальше без них. Бабушка что-то сказала про старого и малого, и Машу это ужасно расстроило. Она хотела тоже пойти вместе со «взрослыми». Спины сестры и её друга вроде как отчётливо видны на экране с воспоминаниями. Они всё удаляются и удаляются. Должно быть, они ушли на очень приличное расстояние, и видеть их Маша могла только благодаря тому, что была «малая», вернее, благодаря тому, что у «малых» обыкновенно необычайно острое зрение.

...идти всегда до упора, не останавливаться где-нибудь посередине...

Когда это было? Или не было? В три, а может, даже в два года. В четыре года это не могло произойти: когда Маше было четыре, бабушка умерла.

Тогда из родственников никого не было в деревне. Рита и Маша остались одни. Всю ночь бабушке было плохо: её бил озноб, и она всё время просила Риту накрыть её, просила принести ей воды или ещё чего-нибудь. Маша в помощи бабушке не участвовала. Она только кричала и плакала – больше оттого, что хотела спать, а не оттого, что понимала, что происходит.

Утром наступила смерть. В то время в одном из домов по соседству жили дагестанцы – несколько человек братьев, которые помогали бабушке. Пришёл старший из них – Марат. Он долго пытался разбудить бабушку, но так и не смог.

Риту с Машей приютила баба Шура, жившая по соседству, – до тех пор, пока не приехали все родственники.

Утром, сразу же после смерти бабушки, Маша сказала сестре, качаясь на качелях перед домом:

– Больше мы не будем качаться на этих качелях. – Она имела в виду, что после смерти бабушки они больше не будут ездить в деревню, ведь Лёшка Золотов и его родственники не приехали в этом году в деревню – после того, как у них умерла бабушка.

Через несколько дней приехали все родственники. Мать была заплаканной и, похоже, надеялась увидеть такими же и Риту с Машей. Но девочки были веселы. Такими они были всегда, когда в деревню кто-нибудь приезжал из Москвы. Окружающая их скорбь не могла унять детской жизнерадостности. Хотелось рассказать о жизни у бабы Шуры, как будто она, эта жизнь, была хоть чем-то примечательной.

На похоронах было много народа – практически вся деревня собралась. Маша пыталась выдавить из себя слезу, но всё тщетно. Матери казалось, что это неправильно, и она сказала об этом Маше, но тётя Надя попросила оставить детей в покое. Да ещё Рита, к счастью, пришла на помощь, сказав, что Маша плакала всю ночь, когда бабушке было плохо, поэтому неудивительно, что сейчас у неё не осталось слёз.

Бабушку положили рядом с дедушкой, которого Маша никогда не видела – он умер за год до её рождения. Холм на его могиле опустился и сильно отличался от свежего холма, которым засыпали бабушку. Маша будет приходить на деревенское кладбище даже через десять с лишним лет; холмы, конечно, сравняются. Но пять лет, которые прошли с момента смерти дедушки на момент похорон бабушки, – это целая вечность. А время, проходящее с того дня, когда Маша впервые увидела процедуру похорон, было всего лишь её жизнью. Могила бабушки всегда была для Маши свежее.

Прогноз Маши насчёт деревни не сбывся: забрасывать её после смерти бабушки не собирались ни их родители, ни другие родственники. Летом кто-нибудь обязательно жил в их доме – либо мать, либо тётя Надя, либо другая бабушка – московская, либо сразу все вместе. У Лёши Золотова просто не было столько родственников, а те, которые были, предпочитали проводить отпуска не в деревне, а где-нибудь ещё.

* * *

Нельзя сказать, что Маша любила старину. Старинные письма, монеты и прочее, что любил собирать отец, в том числе и в развалившемся барском доме, её мало волновали. Но одна археологическая находка, сделанная ею, весьма взволновала Машу. Это были остатки от детского розового мячика из её собственного беспамятного детства. Этот мячик она видела на фотографиях. И нашла она его остатки в бурьяне возле дома.

Похваставшись находкой перед родственниками, Маша кинула остатки мячика в тот же бурьян, где нашла их.

С тех пор она каждое лето вновь находила этот мячик и вновь бросала его в высокую траву, как будто бы пытаясь удостовериться в том, что беспамятное детство по-прежнему находится рядом с ней, даже если оно не может пригодиться.

Через несколько лет мячик стал бесцветным, почти таким же, каким он был на чёрно-белых фотографиях.

В пять лет Маша начала ходить со взрослыми на другую сторону деревни – в пекарню и в магазин. Постепенно она выучила, где кто живёт. Поход в магазин на экране с воспоминаниями – это в первую очередь гигантский камень, вросший в землю на полпути до магазина. Никому не было известно, сколько времени этот камень лежит на месте. Но, несомненно, он успел стать достопримечательностью.

Ещё Маше хорошо запомнился давным-давно сломавшийся комбайн, который грустно стоял в поле рядом с магазином. Дети постарше любили играть возле него, дёргать различные рычаги в машине. Биографию этого комбайна, как и биографию гигантского камня, никто, похоже, не знал, поэтому Маше казалось, что стоит он в поле уже как минимум полвека, несмотря на то, что выглядит хорошо: синяя краска отшелушилась только в нескольких местах. Молчание этого комбайна вкупе с его хорошей сохранностью наводило на мысли о космических путешествиях, космическом безмолвии. Было сложно поверить в то, что это детище инженерной мысли когда-то издавало «биологические» звуки. Казалось, комбайн свалился прямо с неба и знает какую-то тайну вселенной, о существовании которой даже не догадываются люди, ныне живущие на Земле.

Поход в пекарню на экране с воспоминаниями – это рассказы о былых временах, руины церкви, развалившаяся больница; липовая аллея, заросшая крапивой и уходящая вверх, по которой наверняка люди ходили в церковь и ещё куда-нибудь даже двести-триста лет назад; и те самые крики и другие «биологические» звуки, которые, однако же, всё меньше казались исключительно «биологическими» – по мере того, как Маша приближалась к ним, выходя из тенистой липовой аллеи, и по мере того, как они словно выходили из Машиного воображения и становились частью её собственной реальности, частью её собственного опыта. Настанет время, и всё станет привычным. Даже абсурдное и бессмысленное. Это в начале жизненного пути привычными кажутся только безжизненные камни да ещё, может, деревья, стоящие на месте сотни лет и внушающие своим видом спокойствие.

В пекарню Маше нравилось ходить больше, чем в магазин. А, может, ей просто больше нравилось вспоминать именно о самой многолюдной части деревни, в которой находилась пекарня. И не потому, что Маше нравилась многолюдность, скорее наоборот. Просто через каких-нибудь десять с небольшим лет деревня опустеет, и воспоминания о её многолюдности будут особенно приятными.

А гигантский камень выкопают и увезут куда-то ещё раньше, чем деревня опустеет. Тогда Маша уже была старшеклассницей, а деревня стала совсем тихой и бесшумной. Зато летом стали приезжать незнакомые люди, в том числе и дети того возраста, в каком Маша только только стала ходить в магазин и пекарню, и младше.

– А что здесь за глубокая яма? – как-то услышит Маша слова одной девочки, обращающейся к своей бабушке.

– Здесь камень был когда-то.

«Когда-то! – подумала Маша. – И это говорит уже пожилой человек! Разве это было когда-то? По-моему, совсем недавно». Впрочем, возможно, именно возраст тут играет важную роль. Видимо, давно прошли те годы, когда камень притягивал к себе эту бабушку.

За десять лет многое изменилось. Не было уже ни пекарни, ни магазина. Здание больницы развалилось окончательно – от него не осталось даже руин. Да и люди, как говорилось, появились незнакомые. Запоминать их уже не было таким увлекательным занятием. Зато появилась другая забава – внимательно наблюдать за домами, в которых жили дети того возраста, в котором Маша только начинала ориентироваться в деревне. Каждый раз, проходя мимо таких домов, Маша надеялась увидеть какой-нибудь розовый мячик или ещё что-нибудь в этом роде. Интересно, о чём думают эти новые дети, когда видят в небе дальний самолёт? Маша думала

в детстве о том, насколько он далёк, насколько крошечной кажется ему их деревня. И какой он скучный, должно быть, оттого, что даже не подозревает, как здорово у них в деревне. И больше, чем розовый мячик, Маша хотела увидеть на лицах детей признаки подобных мыслей. Но крошечной, похоже, становилась деревня в головах детей, а не только в дальнем самолёте.

Мячиков и других игрушек было предостаточно возле тех домов, в которых жили дети четырёх-пяти лет. Но ещё возле этих домов иногда стояли иномарки. И от этого казалось, что между детьми теми и Машей четырёх-пяти лет существует огромная разница. Ведь эти дети никогда не слышали слова сотрудницы аэропорта: «Самолёт отменён. Аэропорт больше не будет работать». Никогда не ждали на станции трактора с молоком. И никогда не ездили в чешских вагончиках от станции «Сухиничи» по односторонней железной дороге, которая затерялась где-то в лесах Калужской области.

* * *

В семь лет Маша пошла в первый класс. Это было ужасно. Она не ходила в детский садик и только в первом классе узнала, как тяжело просыпаться не тогда, когда хочешь, а тогда, когда надо.

Торжественная часть, предшествующая первому уроку, тянулась, казалось, бесконечно. Маше было бы не так мерзко на душе, если бы она видела на лицах других людей – взрослых и детей – скуку и недовольство. Да даже если бы кто-нибудь пожаловался хотя бы на холод, Маша бы обрадовалась. Обрадовалась тому, что в толпе хоть кого-то радует настоящее и, может, прошлое, а не только возможность влиять на будущее. Словно все люди в толпе рассматривали первое сентября как первый шаг в неизведанное, и от того, каким он будет, зависит, станет ли человек, переступающий порог школы, полноценным членом общества или останется изгоем. Одним словом, школа представлялась всем этим людям как шанс избавиться от чего-то постыдного. Маше же наоборот казалось, что торжественная часть создана для того, чтобы отнять у неё что-то очень ценное, чтобы настроить её на нужный школе или целому государству лад.

Один мужчина с пышными усами, отец первоклассницы, предложил родителям Маши сфотографировать на память девочек. Родители были рады этому предложению. Кто эта девочка? Какие у неё будут отношения с Машей? Вряд ли это волновало усатого мужчину, который хотел сделать фотографию на память о школьных днях своей дочери. Вероятно, для него эти школьные дни закончатся уже на следующий день, поэтому то, какие отношения сложатся у его дочери с Машей, мало его волновало. Главное, самому не забыть об этом дне.

Оказалось, девочка училась в другом классе, и её пути с Машей разошлись уже во время торжественной части. Однако же взглядом девочки узнавали друг друга вплоть до старших классов.

Машу не столько раздражала, сколько пугала реакция родителей – её собственных и родителей одноклассников – на всё происходящее. Некоторые, самые активные из них, норовящие протиснуться поближе к директору и учителям и предложить им свою помощь в организации торжественной части, были просто отвратительны. Будто эти люди сами никогда не учились в школе, либо же наоборот – всё у них было в школе, но за её пределами это оказалось ненужным. И после школы не было у них в жизни ничего интересного и запоминающегося, одни сплошные заботы. Должно быть, по мнению некоторых из них, им самим в жизни сильно не хватило современности, чтобы реализовать некоторые свои мечты, а именно: заработать денег больше соседа и иметь, в отличие от него, собственный кабинет. Вероятно, они приписывали человечеству различные пороки, но при этом не сомневались в том, что знают, как использовать эти пороки на благо своих детей. И своим подбострастием на торжественной части они хотели намекнуть: мы знаем, что Советский Союз уже рухнул, знаем, как устроено

общество, знаем психологию людей, знаем, что время летит быстро, и посему уже сейчас надо детей приучать к торжеству и собственной значительности, смотреть на них как на маленьких банкиров, бизнесменов или сисадминов с собственным кабинетом, иначе в это непростое время они никогда ими не станут.

По сути, за подобострастием, услужливостью и восхищением родителей скрывалось недоверие к школе, боязнь, что она, школа, ещё не знает современного устройства общества.

Единственное, что радовало Машу во время торжественной части и во время первых занятий, – её мысли о прошедшем лете. Она вспомнила, как приходила с матерью записываться в школу весной – казалось, именно в тот день началось это лето. И вспомнила свою грусть, предшествующую отъезду из деревни.

Вряд ли все те люди, которые получали истинное наслаждение от присутствия на торжественной части первого сентября, слышали когда-то «биологические» звуки за речкой. Вернее, вряд ли такие звуки могли бы им показаться «биологическими».

В этом году уезжали из деревни на поезде. Жёлтый автобус, похожий на автобус из «Фунтика», отвёз их рано утром на станцию. По прошествии лет Маша даже не помнила, с кем она тогда была. Помнила только мать, потому что в руках у неё был букет колосков – колосков из деревни.

Они проснулись затемно, попили чай и пошли на ту сторону деревни, где ждал их автобус. Было страшно переходить в темноте через шатающийся мостик – узкую доску. Первого сентября это воспоминание особенно грело душу Маше. Сейчас бы ей такие детские страхи!

Когда дошли до нужного места, уже начинало светать. На той стороне речки, с которой они пришли, уже начинало белеть одинокое здание бывшего аэропорта, находившееся на самом краю деревни. Ныне это был заброшенный дом: дети в нём часто играли, вчера Маша спрятала в нём кое-какие случайно найденные вещи – железные петли, вешающиеся на двери, пару дырявых кастрюль и ещё что-то в этом роде. Следующим летом, сразу по приезду в деревню, она собиралась всё это забрать. Слева от аэропорта, уже на другой стороне речки, начинали угадываться очертания перелеска, в котором они когда-то жгли с родителями костёр во время ловли раков на мясо цыплёнка, убитого коршуном. Маша вспомнила первого сентября, как ей вдруг захотелось поскорее сесть в автобус и уехать из деревни до полного рассвета. В темноте уезжать не так грустно.

Торжественная церемония закончилась, и первоклашек пропустили в школу. Находиться в самой школе было не так противно, хотя Маша и не представляла, как надо себя здесь вести. Ей приходили в голову мысли о том, что она могла бы быть сейчас где-нибудь в другом месте. Сейчас – это даже не столько конкретный день первое сентября, а всё её детство. Возможно, именно этим она отличалась от тех своих одноклассников и других первоклашек, которые, похоже, не испытывали трудностей при адаптации к школе и которые, казалось, уже учились здесь в какой-нибудь другой жизни. Впрочем, возможно, трудная адаптация к школе Маши объяснялась тем, что она не ходила в садик. Большинство её одноклассников, наверное, огорчились бы, если б их отпустили домой и сказали приходить через год. Нет, они бы, конечно, попытались изобразить радость, но где-то в глубине психики, там, где находится крупномасштабный проект светлого будущего, что-то зашевелилось бы у них, и лишь слабые возгласы вырвались бы из груди по случаю освобождения от школы на год. Остальные эмоции остались бы там, где зреет светлое будущее, которое невозможно без школы.

Маша помнила, как в деревне Рита с Лёшкой Золотовым играли в пьяницу. Если кто-то «пропивал» туза, говорили, что пропили работу. Если короля – институт. Если даму – школу. Если валета – детский садик. А если десятку – ясли. Детской фантазии не хватало даже на целую колоду.

А, может, наоборот, Маша в какой-нибудь другой жизни училась в этой школе?

Первый день был лёгким. Маша не сомневалась, что так оно и будет. Торжество, предшествующее входу первоклашек в стены школы, было таким долгим и таким грандиозным, что сомневаться не приходилось: будни ещё не начались, учителя будут ещё некоторое время добрыми по инерции. Машу радовало, что была пятница. Значит, впереди выходные. И только после выходных начнётся школьная жизнь, полная трудностей. Хотя Рита убеждала Машу в обратном:

– Потом познакомишься со всеми. Привыкнешь к учителям. Поймёшь, что не так всё трудно. Дальше будет лучше!

Но Маша не верила сестре. Не может быть дальше легче.

Однако же опасения её были напрасными: первые учебные дни были похожи друг на друга и на первое сентября. Это были не простые дни, но и не такие уж трудные. Но Маша продолжала ожидать трудностей. Не может всё быть так легко, ведь мир так сложен, а она в нём ничего не умеет.

Классную руководительницу звали Мариной Анатольевной. Это была молодая, но строгая учительница. С некоторыми ребятами она обращалась очень грубо, и Маша её боялась. Хотя родным она говорила, что классная руководительница у них хорошая – и именно потому, что иногда позволяет себе сказать какую-нибудь колкость в адрес нерадивого мальчика, который забывал дома дневник или совершал ещё какую-нибудь провинность. Маше казалось, что родителям должна понравиться такая модель поведения учительницы, что они, узнав о строгости классной руководительницы, сами станут чуть добрее. Чисто инстинктивно Маша догадывалась, что общество – это самовосстанавливающаяся система с изначально заданными параметрами, и на четырёх Гитлеров обязательно придётся два Иисуса Христа. Если же Гитлеров окажется двое, то Иисус Христос останется в одиночестве.

Но родители, похоже, не верили Маше. Марина Анатольевна казалась им интеллигентной и скромной. Впрочем, постепенно Маша и сама стала приходить к такому выводу. И этому не в малой степени поспособствовало то, что в соседнем кабинете была ещё более строгая учительница. Дверь в том кабинете часто оставалась открытой, и Машин класс прекрасно слышал потоки брани, вырывающиеся из уст полной и вечно недовольной классной руководительницы параллельного класса. В таких случаях даже Марина Анатольевна не могла сдержать улыбки – и сразу же становилась доброй, привычной, своей. Становилось приятно от сознания своей причастности именно к своему классу. Если б не было в мире агрессии, то не было бы, наверно, в нём и чувства товарищества, не было бы любви к своей территории.

Дома ничего не менялось. Родители по-прежнему часто ссорились. И из-за этого Маша не могла планировать свой досуг, и многое из того, что предназначалось для детской радости, стало для неё символом плохого настроения – детские игрушки, в которые она играла во время ссор родителей; мультфильмы, которые она смотрела, пытаясь отвлечься от разговоров родителей на повышенных тонах.

И Маша радовалась всегда чему-то новому, даже если это новое было не таким увлекательным. Потому что новое ещё не ассоциировалось с грустью. Например, Маша была рада, когда вместо «Чипа и Дейла» и «Утиных историй» стали показывать «Мишек Гамми» и «Чудеса на виражах». Но, увы, и эти мультсериалы скоро стали ассоциироваться с плохим настроением.

Единственное, на что, казалось, не наложила лапу тоска, были журналы «Весёлые картинки». Маша долгое время помнила, когда и при каких обстоятельствах родители ей принесли тот или иной номер и когда и при каких обстоятельствах она читала его. По мере того как журналов становилось всё больше, всё больше хотелось собрать настоящую коллекцию «Весёлых картинок». И она коллекционировала эти журналы и раскладывала их каждый раз на полу, когда в коллекции появлялся новый экземпляр.

В деревне Маша видела пару старых выпусков «Весёлых картинок», но приобщать их к своей коллекции она не хотела. Её интересовало только то, что происходило с ней в жизни, а старые журналы, которые, скорее всего, выписывали ещё двоюродной сестре, таковыми не являлись.

Родители дружили с семьёй Прохоровых, которые жили в их подъезде. У Прохоровых было два сына – один ровесник Риты, другой – младше на два года Маши. Прохоровы на экране с воспоминаниями – это в первую очередь бесконечная тоска, которая неизбежно наступала после того, как взрослые переставали пьянствовать и призывали детей собирать игрушки. Сколько было таких моментов в жизни Маши? Наверняка немного. Если бы было больше, они бы не занимали столько места в памяти.

Редко они сами ходили в гости к Прохоровым, в основном в гости приходили к ним. Зато тётя Надя редко приезжала к ним в гости. И, напротив, сами они часто ездили к ней. Говорят, что оставаться хуже, чем уезжать. Но в данном случае это было не так: уезжать из гостей Маше не нравилось. Впрочем, не нравилось ей и находиться в гостях, где, как правило, было много чужих людей – каких-то дальних родственников и просто друзей тёти Нади. Кто все эти люди? Где они работают? Где они учились? Чем они занимаются? Маша как-то задавала такие вопросы матери, на что та ответила: «Да откуда я знаю. Я спрашивать буду, что ль?»

Одно Маша знала наверняка: в гостях у тёти Нади были в основном люди богаче её родителей. Об этом она догадалась, например, по тому, что во время отмечания дня рождения Риты в гостях у тёти Нади (спустя как минимум месяц после этого самого дня рождения) матери с отцом дали много денег «на подарок Рите». А вот её родители никогда никому не дарили денег. Маша не могла представить даже такого. Ей было неприятно, что отцу и матери дают деньги. А вот сами родители были очень рады таким подачкам под мнимым предлогом – на день рождения дочери. Было бы иначе – они бы знали, где работают те люди, которые дают им деньги. Хочешь, чтоб тебе давали объедки с царского стола, умерь своё любопытство.

Вообще у Маши возникало такое ощущение, что лишь на незнании ничего друг о друге и зиждется дружба между всеми людьми, собиравшимися в гостях у тёти Нади. Нет, они, конечно, знали, кто во сколько лет женился или вышел замуж, у кого сколько детей, у кого какая была любовница, а может, даже знали, кто какой напиток любит пить и кто какой салат любит есть. Но вот где кто работает, как кто любит проводить досуг – этого никто не знал. Казалось, даже жена не знает, какую должность занимает её муж. Гораздо больше она знает о том, какие у него были любовницы. Словно мир работы всех этих людей был настолько замечательным, что сами они считали себя недостойными его. Особенно в расслабленном состоянии и в пьяном виде. Видимо, занимаемые ими должности плохо сочетались с их образом жизни, поэтому на работе приходилось делать вид, что они всегда серьёзные, что не существует в их жизни пьяного веселья. А в компании друзей, наоборот, приходилось делать вид, что не существует в их жизни серьёзной работы.

В общем, в гостях Маша чувствовала себя отвратительно.

Хороших подруг в школе у неё не появилось, зато ближе к окончанию первого учебного года она познакомилась во дворе с одной своей ровесницей Ирой Сениной. С тех пор девочки стали лучшими подругами. В основном они играли в гостях друг у друга в «Денди», лишь изредка выходя куда-нибудь на улицу. Ира жила с бабушкой и дедушкой, которые всегда были рады видеть Машу.

Но летом всё изменилось: Ира познакомила Машу с другими своими подругами, и Маша стала целыми днями пропадать на улице. Она даже запомнила день, когда всё это началось. Это было 20 мая. Про себя Маша назвала эту дату днём дружбы.

Это было за две недели до дня рождения и за две недели до поездки в деревню. Хотя – если бы Маша не запомнила дату 20 мая, то ей бы наверняка казалось, что события, уместившиеся в эти две недели, длились значительно дольше. Если бы Машу попросили назвать как-

то эти две недели, она бы назвала их неделями дружбы, потому что все эти дни были похожи на 20 мая. И что же показывает экран с воспоминаниями? Как выглядит детская дружба после того, как годы стёрли внешние формы? Вырванный стоматологом молочный зуб; те дети, которые были в очереди перед Машей и которые кричали, когда им вырывали зуб; поход в школу за дневником и расстройство после того, как Маша узнала, что ей поставили тройку за год по английскому языку; дырки на недавно купленных футболке и шортах, появившиеся после того, как ребята во дворе разбили аккумулятор, и страх идти домой в продырявленной кислотой одежде; новости о том, что они поедут в деревню на машине; покупка с отцом кроссовок; слёзы на глазах Иры Сениной после небольшой ссоры с подругами и чувство вины перед первой своей зеленоградской подругой, которая долгое время была единственной, а после дня дружбы отошла на второй план. Вряд ли бы всё это запомнилось, если бы не появилось много новых подруг, если бы не было возможности рассказать кому-то об этом.

Детские игры и забавы по прошествии лет не вызывают никаких эмоций. И воспоминания о них не могут служить окном в детство. Таковым окном может стать только воспоминание о чём-то таком, что могло бы вызвать эмоции, которыми хотелось бы поделиться в любом возрасте. И воспоминания об очереди возле кабинета стоматолога напоминали Маше о неделях дружбы больше, чем воспоминания о самих друзьях.

А затем была долгожданная поездка в деревню на машине. В пути Маша давала про себя названия трассам, по которым они ехали. Согласно её фантазии, трассы сменяли друг друга, и в общей сложности их было штук двадцать. Но больше всего ей запомнились бесконечные леса Калужской области. Казалось, самые дальние деревья виднелись за несколько сотен километров. И изображение их на сетчатке было таким смутным из-за дальности расстояния, что увидеть их мог только человек со стопроцентным зрением, подобно тому, как маленькую звёздочку, находящуюся над Большим ковшом, могут невооружённым глазом видеть только люди без нарушений рефракции. Маша помнила всю дорогу о том, что где-то там, среди этих лесов, затерялось здание бывшего аэропорта.

Маша уже утомилась выдумывать названия трасс, когда узнала, что они «уже съезжают с Киевского шоссе. Осталось всего ничего». Киевское шоссе уходило дальше навстречу бесконечным лесам. Туда же тянулась вереница громающих фур, которую Булыгин догнал перед самым поворотом. При виде грузовиков Маше сразу вспомнился фильм «Сто тысяч долларов на солнце». И ей даже стало грустно оттого, что они съехали с шоссе.

...идти всегда до упора, не останавливаться где-нибудь посередине...

Затем Машу ждало небольшое знакомство со старинным городом Мещовском – уродливым и запущенным. А ещё через двадцать километров по разбитой трассе Маша увидела село Серпейск. Серпейск выглядел не так убого, как Мещовск, но всё равно был какой-то... большой. Деревня их намного уютнее и лучше.

Наконец они въехали в деревню. Проехать до дома в ту пору было невозможно, поэтому пришлось оставить машину в том месте, где в прошлом году их ждал жёлтый автобус, когда они уезжали. Взяв с собой лишь самые необходимые вещи, они пошли к дому. Взрослые собирались «отдохнуть», а Маша ничего не хотела слышать про отдых. Сразу же она собиралась пойти к аэропорту и забрать из него вещи, которые оставила в прошлом году перед отъездом в Москву. Утром она проснулась с трудом. Пожалуй, хуже пробуждение было только первого сентября. Но, приехав в деревню, Маша поняла, что просыпаться рано бывает здорово. День был в самом разгаре. Жужжание оводов, не задерживающихся возле людей и пролетающих куда-то по своим делам, и палящее солнце, высушившее землю, были именно тем, что ассоциировалось с деревней и чего, казалось, не хватало Маше, особенно после того, как разъехались все её подруги, поэтому ожидание поездки в деревню плавно перетекло в сам приезд в деревню, даже ни на секунду не показавшись неоправданно оптимистичным.

Но войти внутрь аэропорта ей было не суждено. Все двери и окна были забиты. Маша долго пыталась найти какую-нибудь лазейку, но всё тщетно. Как выяснилось, кто-то приехал из Калуги и купил это здание.

На следующий день пошли к машине за остальными вещами. Вещей, необходимых для проживания в деревне в течение двух с половиной месяцев, было много, поэтому даже у Маши и Риты в руках были сумки и пакеты. Но это не помешало взять с собой ещё и выпавшего из гнезда галчонка, найденного по дороге назад. Без многочисленных вещей вспомнить то лето можно было, а вот без галки – нет.

А вечером, когда жарили шашлык и соседский пёс Шарик на время покинул хозяйский дом и пришёл к дому недавно приехавших из Москвы соседей, к ним в гости пришёл ещё и щенок – сучка Мушка. Маша увидела её издалека: Мушка стояла внизу, возле колодца, не решаясь начать подъём к их дому. И тогда Маша сама сделала шаг навстречу незваному гостю. Тогда Мушка тоже сделала несколько робких шагов по направлению к незнакомым людям, но затем снова остановилась. И долго смотрела на Машу, прежде чем всё-таки побежать рысцой в её сторону. Уже практически на самом верху она перешла на шаг. Взгляд её был направлен в землю – она явно смущалась навязывать свою дружбу.

Так собрались основные действующие лица того лета.

Через несколько дней отец и Булыгин уехали. Накануне их отъезда прошёл сильный дождь, поэтому машина застряла в колдобине, так что пришлось подсовывать под колесо доску, а затем ещё толкать.

Некоторое время спустя галка Феня научилась летать и самостоятельно добывать пищу, поэтому ухаживать за ней было нетрудно. Правда, она любила нагадить на человека, прямо сидя у него на плече, но к этому все быстро привыкли. Привыкли и к тому, что надо прятать цепочки, правда, меры предосторожности не всегда помогали, и пару цепочек Феня всё же украла. К счастью, их потом быстро нашли. Один из соседей, у которого Феня тоже что-то украла, хотел её убить. Возможно, он так бы и поступил, если бы мать не дала ему вовремя денег на водку.

Если Феня сразу же стала своей, то Мушка становилась своей медленно. В первый день она побывала у них не больше часа, после чего ещё долго стояла возле колодца и оглядывалась на их дом, борясь с желанием вернуться к новым друзьям. Во второй день уже задержалась на полтора и ещё дольше оглядывалась возле колодца. Маша знала, что её бьют хозяева. Однажды это случилось прямо на её глазах. И тогда Маша запульнула в Мушкиного хозяина зелёным яблоком и крикнула ему, чтоб он не смел бить собаку. Хозяин Мушки ответил угрозами. Машу удивила недружественная реакция Мушки – она подошла к Маше и слабо-слабо её укусила за ногу, обутую в сандалию.

Казалось, это означало, что дружбе конец. Но это было не так: уже через пару часов Мушка пришла к их дому – как всегда с взглядом, обращённым в землю. И на этот раз осталась возле их дома до самого вечера.

А спустя месяц Мушка, можно сказать, полностью сменила место прописки. По крайней мере – до конца лета.

Интересный случай произошёл где-то в середине июля. Мать по дороге из магазина нашла скворца, выпавшего из гнезда, и принесла его домой. Весь этот день Феня сидела на липе возле дома и издавала какие-то странные звуки, выражая тем самым ревность. Но все попытки спасти скворца не увенчались успехом, и на следующий день птенец умер.

То лето на экране с воспоминаниями достаточно долгое, но, в отличие от предыдущих, уже проникнуто тоской, связанной с возросшей ролью времени и боязнью конкретной даты – первого сентября. Даже в прошлом году Маша не боялась этой даты так сильно, как летом перед вторым классом. Недели дружбы, предшествующие поездке в деревню, позабылись уже в конце июля, и мысли о них не могли спасти от тоски, всё возрастающей ближе к концу лета.

Только скомканный майский выпуск газеты «Экстра М» с программой, лежащий на загнетке печи, долго напоминал о майских днях дружбы и о светлых ожиданиях поездки в деревню. В том выпуске была фотография Лино Вентуры и анонсировался фильм «Сто тысяч долларов на солнце». В один дождливый августовский день этот жалкий клочок бумаги отправился в саму печь.

И вот настал день отъезда. Шарик, Мушка и Феня провожали их и долго бежали-летели за машиной, и пришлось даже остановиться по просьбе Наташи и предложить животным поехать вместе с ними. Мушка категорически отказывалась войти в машину. А вот Феня залетела в салон, немного помахала в нём крыльями, а затем вылетела.

Мушка будет героем воспоминаний и о следующих летних месяцах. А вот Феня останется в том году. Несмотря на то, что в августе она уже не так много проводила времени с человеком, иногда целыми днями где-то пропадая и лишь рано утром возвращаясь домой и стучась клювом в окно, всё же гнездо своих приёмных родителей она не забывала. Её тело нашли в доме в мае взрослые, когда поехали в деревню сажать картошку. По всей видимости, Феня свила гнездо на трубе и провалилась в неё.

Маша смотрела в окно и пыталась запомнить виды, чтобы в следующем году во время поездки в деревню искать глазами запомнившиеся деревья, дома. На полях велись работы по уборке урожая пшеницы. Они начинались сразу за их деревней и велись до самого Серпейска. С каждым последующим годом поля будут засаживать пшеницей всё меньше и меньше. К середине нулевых такой вид деятельности в этих краях канет в Лету.

По обе стороны от Киевского шоссе было огромное количество птиц – галок и ворон. Они приземлялись целыми стаями, видимо, уставшие после длительного перелёта в сторону Смоленска, Брянска и Киева. Мысли о Фене не выходили из головы Маши. Птицы за окном наверняка были лучше приспособлены к чисто птичьей жизни. Инстинктивные программы работали у них без сбоев. Сумеет ли Феня жить так, как эти её сородичи?

* * *

Ира Сенина уехала на Север к родителям. Об этом Маша узнала, встретив бабушку Иры. Но и другие изменения, произошедшие в Зеленограде, неприятно поразили Машу.

Возле каждого второго подъезда, под каждой верандой собирались пьяные компании, которые, казалось, никуда никогда не уходили от своих дворов. Особенно Маше запомнилась одна компания – та, которая собиралась на веранде недалеко от их дома и жгла костёр. Их называли реперами. Они все ходили в чёрных балахонах и любили совершать какие-то непонятные телодвижения. Маша их боялась.

Несколько раз Маша видела драки, сопровождавшиеся дикими криками. Иногда драки заканчивались тем, что один из дерущихся истекал кровью, однако же соперник хотел его добить, и компании приходилось его сдерживать. Крики были страшные, но милицию никто никогда не вызывал. А может, и вызывал кто-то, только она не приезжала.

Ходить по улицам было страшно. Казалось, с городом или со всей страной что-то случилось буквально за одно лето.

Всё в Зеленограде тогда наводило скуку – палатки и ларьки с вечно стоящими возле них попрошайками и пьяными, длинные очереди возле убогого помещения, примыкавшего к «Универсаму», на котором было написано корявыми, наполовину стёршимися буквами «Водка. Вино. Алкоголь»; вид давно поломанных, накрытых брезентом машин во дворе; цыгане, которые, готовясь к зиме, приходили в город и орали под окнами: «Паника, кидай старые вещи! Паника!» И ещё Маше хорошо запомнилась надпись: «Саша, мы тебя помним» на одном доме. Из разговоров взрослых Маша узнала, что некий мальчик Саша покончил жизнь

самоубийством, спрыгнув с крыши этого дома. Надпись виднелась несколько лет, затем её замазали.

Скоро предстояло пойти во второй класс, а у Маши порвался старый рюкзак. За новым было решено поехать в Москву на вьетнамский рынок, потому что там всё было дешевле. Долго-долго вся семья бродила между убогих палаток на вьетнамском рынке, чтобы купить рюкзак Маше и какие-то вещи Рите. Под конец Маша уговорила родителей купить ей фонарик. Она пообещала ходить с этим фонариком за раками, поэтому мысли о следующем лете немного утешали Машу на обратном пути.

Отец пошёл учиться в автошколу, намереваясь купить машину. Маша любила вместе с ним изучать теорию, запоминать дорожные знаки и рисовать их. В итоге отец раньше купил машину, чем получил права, поэтому в следующем году в деревню их вёз Булыгин на машине отца. Только когда съехали с шоссе, отец сам сел за руль.

И только через год они поехали в деревню уже без Булыгиных. Но эту поездку Маша помнила смутно.

Зато на долгие годы ей запомнилась поездка назад. Вернее, даже не сама поездка, а то, что происходило перед этой поездкой. Родители и Булыгины покупали мясо – свинину. По каким-то причинам убить свинью вовремя не удалось, и им сказали, что придётся подождать. По пороссячьему визгу, раздающемуся на всю деревню, Маша поняла, что ждать придётся долго. Они сидели с Ритой в машине Булыгиных, потому что в машине отца не было магнитолы, и слушали музыку. Разделявали свиную тушу часа два с половиной, и за это время было съедено много деревенских яблок и орехов. Какими же вкусными были те яблоки и орехи, особенно по сравнению со свининой, которую мать приготовила им в тот день на ужин!

Из разговора взрослых Маша узнала, что родители разводятся, хотя по поведению отца или матери это было сложно предположить. Маше даже показалось, что родители меньше обычного ссорились за те несколько дней, что они провели вместе в деревне. Но как только мясо было погружено в багажник, а новая машина Булыгиных умчалась далеко вперёд, родители начали высказывать смело всё, что они думают друг о друге.

Дома они начали делить свинину, и Маша проклинала это мясо, держа в голове мысль стать вегетарианкой.

Ещё в течение двух месяцев их квартира была местом повышенной злобы. А затем отец стал снимать квартиру в доме напротив.

Это был самый бедный год, потому что зарплаты матери и алиментов отца не хватало на сытую жизнь. В дни перед зарплатой матери приходилось иногда поголодать. Но голод был не так страшен, как жизнь в одной квартире с двумя вечно грызущимися друг с другом животными. Хотя родственники матери до последнего надеялись, что отец и мать помирятся. Ну или не помирятся, а хотя бы просто останутся жить под одной крышей. Поступок отца они считали неправильным и ужасным. Наверное, они понимали, что развод матери с отцом вынудит их тратить ещё больше денег на «день рождения Риты» – ради сохранения нынешнего положения дел в обществе и очищения собственной мелкобуржуазной совести.

Тот год был самым бедным, но во всём остальном он был ни лучше, ни хуже последующих вплоть до старших классов. Почти беспамятное детство ушло в прошлое. Туда же ушло и время загорающегося сознания вместе с детством, в котором ещё не угадываются очертания будущего, а прошлого совсем мало. Начинался подростковый период.

Уже следующим летом отец вернулся жить к ним, и всё пошло по-старому.

Всё самое интересное в ту пору, как и несколькими годами ранее, происходило в деревне. Каждый раз после приезда, после входа в их деревенский дом, Маша чувала особый деревенский запах, к которому все быстро привыкали, но который впитывался в одежду и мог продержаться даже несколько месяцев после возвращения в Москву.

Самый первый летний день в деревне всегда ассоциировался с двумя большими фото-рамками на стене. Почти никого из изображённых на фотографиях родственников Маша никогда не видела. Знала только, что жизнь всех этих людей была тесно связана с этими краями. Затем почти все они разбрелись по стране, некоторые жили даже в Литве и других странах бывшего СССР. Маша знала, что чья-то судьба сложилась неудачно. Она любила представлять, как эти люди когда-то сидели, так же, как она, на скамейке за кухонным столом и смотрели на стену, где, быть может, уже висели некоторые фотографии. Возможно, фотографий тогда ещё было мало, а люди, изображённые на них, копались в это время в огороде или даже сидели рядом на скамейке, поэтому вряд ли в голову могла прийти мысль о быстротечности времени. Скорее наоборот, думалось о безграничных возможностях, о начале истории – собственной и истории семьи.

Но Маша знала, точно знала, что судьба некоторых сложилась неудачно. Вспоминают ли их там, где они жили после деревни, как она вспоминает их здесь?

Развлечений в деревне особо не было, кроме мыслей о прошлом и будущем, поэтому Маша каждое лето бралась помогать соседям, хозяевам Шарика, с заготовкой сена.

Рита быстро начала ходить в клуб – так называли бывшую баню, находившуюся на самом подножии липовой аллеи. Настоящий клуб тоже когда-то был, но он сгорел; в него успела походить двоюродная сестра Наташа. Маша каждый вечер видела, как ребята старшего возраста идут в клуб – надушенные одеколоном, пахнущие табаком, одетые в фуфайки и обутые, как правило, в высокие сапоги. Несколько раз они проходили прямо возле их дома; один раз они задержались надолго и разговаривали с Ритой и взрослыми. Именно после этого случая Рита стала ходить в клуб-баню. Но обычно ребята ходили по нижней тропинке. Маша провожала их взглядом, но совсем не завидовала им. Мысли её были не о клубе, а скорее о скошенной траве, по которой ребята шли и которую завтра днём предстояло переворачивать. Да, завтра будет её день. А в начале вечера придётся сидеть в одиночестве на скамейке перед домом и кормить комаров, затем войти в дом, почтить перед сном и лечь спать.

Иногда Маша играла в клуб. У неё было любимое место – пригорок, где никогда не косили. Маша вытаптывала посередине пригорка траву, тащила туда из дома маленькие скамейки и различные безделушки. Её воображение придумывало различных персонажей, похожих на тех ребят, которые ходили в клуб-баню. Любимым занятием её персонажей было употребление алкоголя и курение. Сigaretетами служили листья. Считалось, что липовые листья – самые лёгкие «сигареты», малиновые – покрепче, а листья ольхи – самые крепкие и самые дорогие, потому что за ними приходилось идти аж к самой речке и потому что они были горькими. «Напиток» же всегда был один – простая вода. Один персонаж Машиного воображения был даже барменом.

С пригорка была видна тропинка, по которой ребята шли в клуб-баню, но саму Машу за высокой травой никто не видел. Собственный «клуб» казался Маше более совершенным, чем клуб-баня, куда отправлялись ребята.

Большую часть лета Рита с Машей проводили вместе с Наташей и её дочкой. Не больше месяца в деревне проводила мать. А раз в две недели обязательно кто-нибудь приезжал – либо отец с матерью, либо тётя Надя, либо один Булыгин, а часто и все вместе. Тогда дом наполнялся необычными запахами – запахом большого шоссе, запахом еды, которую нельзя было купить в деревне. Маша помнила, как раньше, ещё тогда, когда в деревню приезжали на поезде, новоприбывшие всегда завозили в дом какой-то особый запах свежести, путешествий и молодости, которая как ничто другое способна скрадывать трудности пути. С появлением у всех автомобилей запах молодости исчез.

Маша всегда с нетерпением ждала чьего-нибудь приезда. Когда кто-нибудь должен был приехать, она весь день напрягала слух, ожидая услышать звуки мотора. Но следующий день

после чьего-нибудь приезда был обязательно грустным. Взрослые перепивались, часто приходили гости со всей округи, и дома не было возможности почитать.

Когда взрослые пьянствовали всю ночь, Маша вставала рано в надежде стряхнуть с себя остатки беспокойного сна и рассчитывая насладиться тишиной и покоем, пока у взрослых был перерыв между ночной и дневной пьянками. Бывало, что Маша вставала, когда солнце только начинало подниматься из-за горизонта, хотя обычно она спала долго. Пассивный образ жизни ближних заряжал активностью её саму.

Маша не ощущала себя хозяйкой дома, когда было много взрослых и все они пьянствовали. Зато у неё был шалаш, в который она обыкновенно отправлялась, проснувшись рано-рано, особенно когда было прохладно и пасмурно. И там она делала различные «дела», в общем, хозяйничала. Иногда она отправлялась к большой липе, залезала на неё и подолгу сидела на её толстых суках, мечтая построить шалаш прямо на дереве, такой же, какой, по словам двоюродной сестры Наташи, был на этой липе во времена её детства, но затем был разрушен. Ещё Маша любила ходить на речку за голубой глиной и лепить из этой глины различные фигурки.

А в те дни, которые обещали быть солнечными и аномально жаркими, Маша брала какую-нибудь старую фуфайку, раскладывала её на траве сзади дома и ждала, когда солнце поднимется повыше и по её коже перестанут бегать мурашки. Она терпеливо ждала, ждала...

...представляя, что от удачного прохождения дистанции зависит судьба...

Но далеко не всегда терпения хватало, и, когда солнце не спешило добавлять жару, Маша часто заворачивалась в фуфайку, чтобы согреться. Фуфайка была почти горячей; казалось, в ней хранилось тепло от всех лучей солнца, которые когда-то падали на неё.

Обычно Маша читала в ожидании обещанной метеорологами жары, но иногда бросала книгу в траву, не боясь, что её намочит роса, и просто смотрела на голубое небо, прислушивалась к пению птиц, шуршанию насекомых в траве, стрекотанию кузнечика. В такие моменты думалось, что вся природа готовится к предстоящим аномалиям и уже знает, сколько они продлятся и чего от них можно ожидать.

Природу ничем нельзя было удивить. А вот Машу охватывал восторг от сознания того, что всё меняется буквально у неё на глазах. Интересно, бывали ли раньше такие жаркие дни, какой обещают сегодня? Учёные вроде бы говорят, что мир теплеет, что каждый раз бьются температурные рекорды. Интересно получается. Те родственники в фоторамках наверняка, так же, как Маша, когда-то загорали сзади дома, слушали журчание речки и пение птиц, мечтали о светлом будущем и думали о том, что живут в особенное время, что жизнь их будет сильно отличаться от жизней предков. А вот ощущать на себе столь мощную жару им не приходилось. И от сознания именно такого своего отличия от предков Машу охватывал восторг.

Порой Маша задумывалась о том, видят ли её мохнатые шмели, собирающие нектар? Чувствуют ли они её присутствие? Наверное, да, ведь они не подлетают к тем цветам, которые растут прямо возле неё. Но в то же время они не стремятся поскорее покинуть то место, где есть человек. Они доверяют...

– Забор надо доделать! Хватит пьянствовать! – временами доносилось со стороны дома, когда солнце было уже высоко. – Всю водяру выхлестали вчера!

– А я на горку пойду. К Алику.

– Отравимся его самогонкой!

– Что, в Серпейск предлагаешь ехать?

Вся прелесть меркла. Весь восторг, связанный с ощущением грядущего чуда на фоне красоты и аномалий, угасал. Начинала то и дело хлопать дверь на терраске, скрипели ручки вёдер, уже с самого утра накалялись страсти.

– Умойся хоть! Посмотри, на кого похож! Не позорься перед женой Алика!

Не такой уж он и чудный, этот день. Когда-нибудь в её жизни будет ещё жарче, ещё аномальней. Возможно, когда-то всё лето будет необычайно жарким. А сейчас надо готовиться к вечеру. Может, вечер принесёт что-нибудь новое. А вдруг – чудо настанет тогда, когда вновь появится роса, когда ребята вновь пойдут по ней в клуб-баню.

– Кстати, где Маша? Может, её отправить на горку?

– Да с какой стати ребёнок будет тебе покупать самогонку? Совсем обленился!

А до вечера остаётся только читать. Возможно, попадётся какая-нибудь интересная книга, такая, например, как «Жена Аллана» Хаггарда – рассказ о мужественном путешественнике Аллане Квотермейне и его жене Стэлле. Повесть заканчивается грустно: жена умирает, а Аллан возвращается в апельсиновую рощу, ныне заброшенную, в которой они со Стэлкой признались когда-то друг другу в любви. Маша надеялась, что на свете много ещё не заброшенных прекрасных мест. Интересно, сколько состоялось признаний в любви в липовой аллее, рядом с которой находится клуб-баня?

Но даже после того, как Маша сама начала ходить в клуб-баню, повесть Хаггарда оставалась одним из самых приятных воспоминаний. По крайней мере, эта повесть была точно лучше развлечений молодёжи. Каждый день Маша ждала вечера. И каждый вечер её охватывала невероятная скука, противостоять которой не могли даже мысли о том, что жизнь только начинается. Как выяснилось, воображение не обмануло Машу, когда рисовало ей в её импровизированном «клубе», что главным развлечением людей, собирающихся в подобных местах, являются выпивка и сигареты. На бутылку самогонки в клубе-бане собирали деньги всей компанией целый час, а потом отправляли «на горку» кого-нибудь «молодого». Сигареты с фильтром – «Ява» в мягкой пачке и «Тройка» – были предметом роскоши, они курились только в особенных случаях – между первой и второй бутылками, во время деловых переговоров о том, что некий Эдик может отвести их всех в Серпейск к «давалкам», а также «напоследок», когда вся компания выходила из клуба, вставала в круг и дымила, к неудовольствию многих дрожащих от холода девчонок. Видимо, могущественные, заросшие крапивой липы, уходящие ввысь, внушали всем рудиментарное уважение к романтике, и стоявшим возле них молодым людям не хотелось осквернять природу, у которой были лучшие времена и лучшие свидетели, запахом «Примы».

Самое страшное было в том, что в клубе-бане были те самые девочки и мальчики, с которыми Маша когда-то играла, когда её посылали за молоком. Неужели человек способен так сильно измениться? Неужели они об этом всегда мечтали? Или же ничего страшного не происходит, просто в каждом возрасте свои радости? Но почему Маше эти радости приносят лишь скуку и ощущение неправильности и нелогичности всего происходящего? Она что, осталась в детстве? Или же перешла во взрослость, миновав подростковый и юношеский периоды?

Так или иначе, но дневные забавы Маше нравились больше ночных приключений. Именно днём происходило всё самое интересное, хотя Маша не переставала надеяться на то, что и ночью рано или поздно произойдёт что-то необычное.

Однажды их с друзьями и подругами занесло на заброшенное кладбище. Про это кладбище ходили разные слухи, противоречащие друг другу. Так, одни говорили, что там когда-то хоронили священников и святых. Другие говорили, что там когда-то хоронили самоубийц. Кладбище неизменно манило своей таинственностью. В современное время там закапывали умерших собак, подошедшую скотину, а некий Амирхан похоронил там своего ребёнка, которого жена родила мёртвым. И эта могилка человека, ни разу не видевшего их мир, была единственной свежей. На неё-то и вознамерилась взглянуть в первую очередь компания. Но Маше хотелось посмотреть заодно и на старые, заброшенные могилы, в которых лежали кости людей, которые наверняка видели липовую аллею во всей ее молодой красоте и ухоженности.

«Экскурсоводом» взялся быть деревенский паренёк по имени Вадим. Его дом стоял недалеко от заброшенного кладбища, и очень часто Вадиму приходилось гнать через него коров, которые любили уходить на поле перед кладбищем.

– Ничего интересного там нет, – говорил Вадим. – Обыкновенный лес, так что не стоит ожидать от этого приключения каких-то сильных эмоций.

Но, несмотря на слова Вадима, было страшновато. Со стороны юго-запада ползла огромная туча; она буквально разрасталась на небе с каждым шагом навстречу ей, и, когда компания вошла в кладбищенский лес, туча практически нависла над головами, из-за чего в лесу стало темно, как в предсмертный час, хотя был только июнь и до захода солнца оставалось ещё очень много времени.

Могилы на этом кладбище были разбросаны хаотично, захоронения производились, видимо, без соблюдения религиозных предписаний. Маша подумала, что вряд ли так будут хоронить попов. Скорее всего, на этом кладбище лежали люди, чем-то провинившиеся перед христианством и не достойные быть похороненными в освещённой земле.

– Что, маловато могил? – говорил Вадим, видя на лицах спутников недоумение. – А вы внимательнее смотрите под ноги: они здесь всюду!

– Ой! – воскликнула одна девчонка, указывая пальцем на коровий череп.

– Да-да, – закивал Вадим. – Есть тут и такие. Но настоящее кладбище крупнорогатого скота находится чуть правее, там, где старая дорога. Раньше туда сносили всю скотину, разорванную волками. А в последние десятилетия несут прямо сюда.

– Так нельзя. Ведь здесь же люди, – сказал кто-то.

– В деревне всё можно.

Кое-где были даже примитивные ограды. Но на большинстве могил не было даже минимального холмика, и определить, что это могила, можно было только по табличке. Имена и годы. Годы и имена. Маша недавно приехала в деревню, а в первые дни своего пребывания в деревне она по обыкновению много думала о своей родне: так человек, приезжающий надолго в гости, поначалу много думает о хозяевах. Когда-то эти люди, лежащие в могилах, тоже были хозяевами; возможно, они даже общались с людьми из фоторамок на стене, возможно, вся их жизнь прошла в этих краях. А Маша приехала из Москвы, чтобы посмотреть на них. Мертвецы всегда воспринимаются как хозяева – какой-то местности, какого-то уклада жизни, какого-то временного промежутка, а люди, смотрящие на их могилы, всегда ощущают себя гостями.

Они как раз вышли на тропинку, пересекающую кладбищенский лес на две части, когда прозвучал первый раскат грома. Стало совсем страшно.

– Вадим, пойдём отсюда!

– Сейчас-сейчас. Мы будем возле могилы сына Амирхана уже через полторы минуты, если срежем вот здесь.

– Нет, давай мы не будем здесь срезать. Надоело ходить прямо по могилам. Пошли по тропинке.

– Хорошо, я учту ваши пожелания.

И они шли по тропинке ещё минуты три – до тех пор, пока Вадим не указал на относительно свежий холмик.

– Вот он, – сказал «экскурсовод».

Могилка была совсем крошечной. Казалось, даже та могилка, в которой Маша с Ритой похоронили скворца, найденного матерью, была больше.

Тут раздался оглушительный раскат грома, и тяжёлые, но пока ещё редкие капли дождя посыпались на листву и на спутников. А где-то справа послышался звук ломаемых сучьев.

Вся компания побежала в сторону деревни. Побежала и Маша, оглядываясь на холмик. Дождь усиливался, тропинка размокла. Чтобы срезать, Вадим сошёл с тропинки. Остальные побежали за ним. За пеленой дождя и деревьями уже начинал виднеться скотный двор, при-

мыкавший к дому Вадима, когда Маша поскользнулась и упала, да так неудачно, что угодила прямо на могилу. О том, что это могила, Маша узнала по табличке. На ней было только имя без фамилии и годы жизни. Имя Маша даже не запомнила. Не запомнила и год рождения, а вот год смерти был 1901. Значит, с тех пор прошло ровно сто лет. Маша знала, что именно в этот год родился её прадед – отец московской бабушки, которого звали Григорием. В голове девочки мелькнула мысль, что душа человека, похороненного в этой могиле, могла переселиться в тело её прадеда. Но, уже выходя из леса, Маша забыла эту свою мысль. Огромная туча удалилась так же быстро, как и приблизилась к деревне. Появилось солнце и радуга.

– Ты чего отстала-то? – подбежала одна девчонка к Маше.

– Я упала – да слишком неудачно, – ответила отряхивающаяся Маша.

Вместе они догнали всю компанию, навстречу которой шёл тот самый Амирхан, отец рождённого мёртвым ребёнка.

– Вы оттуда? – указал он на кладбищенский лес.

– Да, – ответил Вадим.

– Коров там наших нэ видели?

– Нам было не до коров.

– А это кто? Нэ видишь – корова?

И вправду, из леса выходили коровы. Видимо, они-то и были источником шума на кладбище.

Теперь Маше предстояло пойти к бабе Тоне, у которой они покупали молоко и которая уже должна была подоить свою корову. Но, засунув руку в карман шорт, Маша обнаружила, что пятирублёвая монета пропала. О пропаже денег она сообщила друзьям.

– Ты же упала в лесу, – вспомнила девчонка. – Помнишь, где?

– Помню. Это была могила. Туда я больше не сунусь.

– Мертвец уже забрал твой пятак.

– Тебя сестра двоюродная не убьёт? – выказал участие Вадим. – А то мы можем подоить чью-нибудь корову. – И Вадим хитро посмотрел в сторону своего соседа Амирхана, подгоняющего коров.

– Нет, я больше не хочу связываться с коровами.

Баба Тоня внимательно выслушала рассказ Маши о том, как она потеряла деньги. Маша только умолчала о том, что упала она прямо на могилу. Баба Тоня была доброй женщиной, она переживала, боялась, что Маше достанется дома за грязную одежду и потерянные деньги, и всячески старалась её утешить. В итоге договорились о том, что деньги Маша принесёт в следующий раз.

В тот день в клубе-бане было не так тоскливо, как обычно: столкновение со смертью обострило праздник жизни, смягчило его недостатки.

Это было в начале лета, поэтому воспоминание об этом приключении было особенно приятным. Если бы оно произошло ближе к концу августа, то, скорее всего, только усилило тоску, связанную с приближающимся отъездом из деревни.

В конце августа всегда было тоскливо. В июне даже затяжная пасмурная погода вызывала радость, но, когда дожди шли в августе, это было ужасно. А они шли, казалось, каждый август, проводимый Машей в деревне.

В августе обыкновенно в деревне было много народа: родители приезжали за детьми, а заодно и отдохнуть. Приезжали все родственники и в их дом, поэтому обыкновенный распорядок жизни нарушался. Да и без кучи родственников в августе хотелось как-то по-особенному проводить время – так, чтобы лето запомнилось на всю жизнь. В общем, хотелось по максимуму насладиться жизнью в деревне. И Маша любила уходить куда-нибудь на речку, туда, где была когда-то мельница; её крылья долго валялись прямо в воде, но затем куда-то пропали.

В том месте было мелко, и можно было в шортах пройти по речке сотню метров и попытаться выловить что-нибудь интересное. Маша мечтала найти какой-нибудь обломок мельницы. Но выловила она там только металлическую коробку из-под чая – в таких деревенские мужики обыкновенно носили табак. А ещё там было много-много голубой глины. Кто-то даже предположил, что, если бы на том участке речки обитали раки, они бы были голубыми.

В первые годы Маша ходила «на мельницу» вместе с Ритой, затем одна, а затем стала брать с собой дочку двоюродной сестры. Она пыталась делать вид, что развлекает ребёнка, хотя на самом деле ей самой, даже в пятнадцать-шестнадцать лет, было интересно, как маленькому ребёнку, возиться в речке.

Ещё Маша любила пасмурными августовскими днями бродить по липовой аллее и представлять, как это место выглядело раньше. В одном она не сомневалась: речка когда-то была намного глубже и шире, и с липовой аллеи было видно, как её воды катятся в сторону того конца деревни, где был аэропорт. Наверняка это было потрясающее зрелище. Маша искала в бурьяне и крапиве какие-нибудь признаки скамеек, ведь наверняка люди любили сидеть здесь подолгу. Но никогда ничего не находила.

Ещё в конце августа всегда ходили за яблоками – в так называемый барский сад и в сад Золотовых, которые больше не ездили в деревню. Ощущение своей причастности к миру деревни Маше нравилось больше самих августовских яблок. Она любила скороспелый сорт яблок, созревающий уже в июле и называющийся в этих краях аркадкой. Их вязкий вкус был ни с чем не сравним.

До того как Маша начала ходить в клуб-баню, в самые последние дни пребывания в деревне она любила вечерами сидеть на заднем крыльце, потому что посидеть в тишине больше было негде. Августовские ночи в деревне были холодными, а холодные зори способствовали лучшей передаче звуковой информации. Так, был слышен лай собак из соседней деревни, находившейся за три километра. Но больше всего Машу поразило то, как звонко шумит речка. Казалось, ухо было способно даже уловить звук всплеска воды от рыбы или рака. Эти звуки были грустными тогда, когда было дождливо. Но когда было ясно и было много звёзд, Маша любила смотреть на небо и представлять, что речные звуки издаёт вовсе не речка, а Млечный путь, и что только там, среди миллиардов звёзд, на огромном полотне пространства-времени затерялось место, которое лучше их деревни. И затерялось время, которое было тогда, когда их речка была шире, а в липовой аллее были скамейки и влюблённые парочки. А посему – есть куда стремиться!

* * *

В то время, пока Маша готовилась сдавать первые в своей жизни экзамены в конце девятого класса, Рита готовилась к поступлению в институт, совершенно не волнуясь о предстоящих школьных экзаменах. Она шла на медаль и поступать собиралась либо в МАИ, либо в зеленоградский МИЭТ.

Учителя в одиннадцатом классе ставили ей пятёрки уже автоматически, можно сказать, авансом, как ученице, претендующей на медаль. Но по самым главным предметам, которые необходимо знать поступающим в технические вузы, – математике, физике, химии – пятёрки у Риты были заслуженными.

На выпускной вечер были приглашены родители. Некоторые учителя не скрывали своего восхищения отцом и матерью Риты. Они намекали, что у замечательных родителей и дети замечательные. Наверное, они хотели убедить себя в том, что их собственные дети добьются в жизни определённых высот.

Родители Риты не сомневались, что им льстят. Да, Рита добилась успехов в школе, но про Машу такого нельзя было сказать, и учителя это, конечно же, знали. Усидчивостью Маша не

обладала. Вот и сейчас она наверняка сидит где-нибудь на квартире в какой-нибудь компании парней и девчонок, где накурено и пахнет пивом, а по телевизору показывают повтор матча с чемпионата мира по футболу в Японии и Южной Корее. И всё это вместо того, чтобы готовиться к последнему экзамену по русскому устному.

Рита тоже подумала, что учителя льстят; она-то хорошо знала, что родители её не такие уж и замечательные. Да и Маша тоже не блещет успеваемостью. Но слова учителей произвели на неё определённый эффект. Захотелось сделать приятно родителям и делать это приятное всю жизнь. Всё, что она может сделать сейчас, – это поступить в МАИ или МИЭТ. Ну а после окончания вуза она обеспечит достойное существование родителям. И о Маше, конечно же, позаботится, раз она сама не заботится о своём будущем и уж тем более – о будущем семьи.

Одна подружка Риты, тоже медалистка, сказала, что на выпускном вечере не стоит пить алкогольные напитки, чтобы ничего не забыть из происходящего в этот замечательный день.

И алкогольных напитков выпускники действительно не пили – в отличие от учителей и родителей. Но это не сказалось положительно на запоминании событий того вечера. Запомнилось только то, как под утро вышли из школы на улицу, где стояла компания подвыпивших молодых людей. Один парень подждал свою подругу – выпускницу. Ему явно не нравилось, что его девушка проводит время не с ним, и он закатил сцену дикой ревности. Подвыпивший ОБЖшник решил заступиться за девушку и полез в драку. Директору с физруком пришлось их разнимать.

Этот выпускной Риты, пожалуй, больше будет помнить Маша, чем её сестра-выпускница. Маша в этот день вовсе не сидела в компании девчонок и парней; она была одна дома и радовалась, что выпускной сегодня не у неё. В этот день она перестала бояться предстоящего экзамена по русскому устному, потому что поняла: по сравнению с выпускным экзамен – слишком лёгкое испытание. На экзамене не будет родителей, на экзамен необязательно приходиться в платье. Да и длится экзамен намного меньше, чем выпускной. И именно выпускной вечер как бы символизирует трудности, связанные с дальнейшим обучением. Маша не сомневалась, наслаждаясь близостью скорых каникул после девятого класса, что, когда у неё через два года будет выпускной, мыслями она будет в институте, а не на каникулах в деревне. На далёком временном расстоянии человек иногда способен дать более точный прогноз по поводу того, какие мысли будут беспокоить его в такой-то день. В конечном итоге экран с воспоминаниями Маши покажет, что ощущения из далёкого прошлого были ближе к уже написанной истории жизни, чем ощущения, возникавшие во время написания яркими красками этой истории.

Родители не стали дожидаться окончания выпускного и в середине ночи вернулись домой. За интересным занятием они застали Машу! Она изучала географическую энциклопедию, которую ей подарили в школе ещё после третьего класса. «Опять она занимается бездельничаньем», – подумала мать. Сперва непонятное увлечение футболом во время экзаменов. Теперь вот география.

– Тебе же русский сдавать, – недоумевала мать.

Маша не знала, что на это ответить. Её увлечения родителям в последнее время не нравились, поэтому она научилась прятать свою радость от увлечения чем-либо. Но географией она не увлекалась. Она просто хотела побольше узнать о Сенегале, который здорово играл на чемпионате мира. Большая ли это страна? Много ли вообще стран в Африке? И какое место они занимают в футбольном мире? Интерес к футболу у Маши был силён.

Его бы не было вообще, если бы два года назад ей не довелось посмотреть финал Евро-2000 Италия – Франция. Матч этот она смотрела дома у дяди Саши и тёти Тани на следующий день после приезда в деревню. Тогда на их стороне деревни выключилось электричество, но повезло, что рядом оказался шофёр председателя Андрей. Он ловко надел «когти», отыскавшиеся в кладовке дяди Вити, возле дома которого и произошёл какой-то сбой, и полез на столб. Пока Андрей ковырялся в проводах, его успело пару раз сильно потряхнуть током.

– Ты электриком был профессиональным? – спрашивали с земли.

– Да пару раз одевал «когти» в армии.

– Смотри аккуратнее, ближайшая больница далеко.

– А мне в больницу не надо. Мне к Алику надо!

Пришёл к дому дяди Вити и дядя Саша; его семье Маша помогала раньше с заготовкой сена.

– Скоро гимны будут играть. А света нет на всём краю, – переживал дядя Саша. – Что у вас тут? И так делать нечего целый день, а тут ещё футбол нельзя посмотреть.

– У нас в ближайшие часы будет много развлечений, – отвечал сверху Андрей. – Пока дойдём до Алика, пока посидим на горке, пока вернёмся. Финальный свисток уже успеет прозвучать. Нет, футбол мы сегодня смотреть не будем.

– Ты уже оценил свои услуги в бутылку самогонки? – спросил кто-то.

– Какая бутылка?! – от неслыханной наглости Андрей сделал что-то не то, и его снова ударило током. – Тут три только за одну работу. Плюс ещё по одной за каждый удар током.

И электричество восстановилось на их конце деревни. «Ловко он, – подумала Маша. – Интересно, выпускники МАИ или МИЭТа умеют так?»

Мужики пошли на горку, отказавшись от предложения дяди Саши пойти посмотреть футбол. Только Маша приняла это приглашение.

Иначе было два года назад во время финала чемпионата мира Бразилия – Франция. Тогда на футболе у дяди Саши с тётёй Таней собралось много народа – отец, Булыгин, один из мужей тёти Нади, другие взрослые. Стул достался и Маше, но только долго усидеть на нём она не могла. Футбол тогда манил её намного меньше, чем вечерняя прохлада в деревне. Но Маша хотела, чтоб матч затянулся, так как, пока взрослые смотрели футбол, дети могли гулять по росе и по туману.

А вот финал главного футбольного события 2000 года Маше понравился и запомнился. Радость от начинающейся самостоятельности вкупе с радостью от приезда в деревню были настолько сильны, что перекинулись на экран телевизора.

Самостоятельность постепенно становилась нормой, а радость от пребывания в деревне становилась всё кратковременной – по мере того, как деревня пустела, а из душ взрослых выходила романтика. Зато радость от крупных футбольных турниров оставалась неким эхом от тех, других радостей.

Когда Маша в тот день, день финала Евро-2000, вернулась ночью домой, на терраске сидели отец, мать, тётя Надя, Андрей, дядя Витя и Алик. Как поняла Маша, мужчины отмечали возвращение электричества сначала у Алика, и, лишь когда стемнело, захватив с собой Алика, побрели обратно, на другой конец деревни. В темноте они потеряли тропинку и переходили речку вброд, а затем ещё долго блуждали в зарослях крапивы, поэтому выглядели они так, будто их всех сильно тряхнуло током.

– Я сделаю нормальный тропинка, – говорил Алик. – Эта никуда нэ годится.

– Да это вас этот повёл куда-то, – говорила мать, указывая на отца.

– Алик, нам с тобой придётся тут сидеть до утра, – говорил Андрей. – Я в темноте ничего не вижу.

– Да мы вам фонарик дадим, если что, – говорила тётя Надя.

– Кто там кого? – спрашивал отец. – Макаронники лягушатников или лягушатники макаронников?

– Лягушатники, – отвечала Маша.

– А как же вратарь макаронников? Он же всё тащит.

– Ему под конец разбили нос мячом. После этого он стал нервничать. Иногда казалось, что он потерял ворота.

И только дядя Витя, бывший моряк-подводник, сидел угрюмый, пьяно склонив голову над тарелкой. Ничего особенного он не видел в их ночном приключении. Для него всё это было не в новинку, и он не мог представить, что может быть иначе, поэтому даже не видел повода для разговора.

Мать не стала долго допытываться, зачем Маша держит в руках географическую энциклопедию и почему она не ложится спать: мысленно родители ещё продолжали гордиться своей старшей дочерью и поэтому легко закрыли глаза на бездельничанье младшей.

Рита поступила в оба института. Но выбрала МИЭТ: каждый день ездить в Москву ей не хотелось.

Все подруги Риты, многие из которых тоже были медалистками, поступали в гуманитарные вузы – кто-то из-за желания связать свою жизнь с юриспруденцией или экономикой, а кто-то от безразличия. Рита же точно знала, что станет когда-нибудь программистом. Уверенность её проистекала из трезвой оценки своих способностей, а вовсе не из-за того, что впереди ещё целых пять лет, в течение которых может произойти много поворотных событий, поэтому она даже не любила разговаривать с подругами на тему учёбы. Пусть подруги идут своим путём – она пойдёт своим.

Это было потрясающее время! Время загорающего воображения! Даже родители в кои-то веки решили вместе отметить успех своей старшей дочери. Маша тоже приобщилась к этому семейному празднику. Русский устный она сдала на пятёрку. А все остальные экзамены – на четвёрки. Поэтому Маша считала, что добавила радости родителям. Отмечающие вместе что-либо отец и мать – зрелище необычное и, безусловно, приятное, поэтому – почему бы тоже не порадоваться за сестру, а заодно и за себя. Хотя было бы лучше, если бы весь мир, в том числе и её родители, отмечали то, что у неё начались каникулы, и то, что она скоро поедет в деревню. И ещё – то, что ей остаётся целых два года до поступления в институт.

* * *

Уже первого сентября Рита поняла, что легко ей не будет в течение всех пяти лет. «Институт – это не школа», – решила она. Институтские преподаватели не были на её выпускном и не были на бале медалистов Зеленограда. Здесь прошлые достижения ничего не решали.

Школьная медаль быстро поблекла, что объяснялось отчасти тем, что слишком легко дались успехи в школе, отчасти тем, что оставалась слишком огромная пропасть между реальным миром и идеальным. Казалось, нужно проделать колоссальный объём работы, чтобы преодолеть эту пропасть. Если бы хоть что-то в жизни улучшилось после того, как она окончила с медалью школу, то, может, и пять лет в институте не стали бы казаться такими страшными. А так получалось, что жизнь шла вперёд, успехи прибавлялись, но вместе с этим жизнь только усложнялась, а никак не менялась к лучшему.

В первом семестре были такие предметы: математический анализ, линейная алгебра, химия, физика, иностранный язык, философия, русский язык и физкультура. Всё практически то же самое, что и в школе, но только изучать надо более углублённо.

Уже через месяц Рита заметила, что некоторые студенты в её группе значительно лучше разбираются в изучаемых дисциплинах. В школе она всегда была одной из самых лучших. Чтобы кто-то её заметно превосходил – такого не было даже по русскому языку, а уж по техническим предметам – и подавно. Впрочем, большинство однокурсников были с Ритой либо на равных, либо даже уступали ей, лишь три-четыре вундеркинда «шарили» заметно лучше в математике и физике.

В группе её учились, как ей думалось, люди, куда как более достойные МИЭТовского образования, чем она. Некоторые из них могли разговаривать о компьютерах целыми часами. У самой Риты компьютер появился дома только два года назад, да и то она в него только играла.

А у этих людей компьютеры, кажется, с раннего детства. Наверняка их родители – достойные люди. И что её собственные знания математики и физики по сравнению с этим! Сколько отец копил на первый компьютер! Как тщательно его выбирал вместе с одним из своих немногочисленных друзей, работавшим программистом! А у некоторых однокурсников, судя по их рассказам, было уже несколько компьютеров, и покупали они их в одночасье, когда вдруг хотели поиграть в какую-нибудь игру, для установки которой были необходимы более мощная операционная система или процессор.

Рите хотелось поддерживать разговор со всеми однокурсниками, особенно с теми, кто хорошо учился и разбирался в программировании. Но она не хотела разговаривать о программировании. Умения, способности, особенно к тем вещам, к которым она сама стремилась, значили для неё много, но больше всего ей нравились люди, у которых способности были глубоко запрятаны под ровным, будничным полотном жизни, а не выпячивали уродливым бугром. Таких людей в институте, казалось, не было. Либо посредственность, либо тот, к кому подойти страшно, потому что боишься отвлечь его от мыслей, которые наверняка далеки от пустых разговоров, и, главное, потому что не знаешь, как он к тебе относится – существуешь ли ты вообще в его мире.

В группе помимо Риты было только трое девчонок. Старостой была Илонка. Умом и знаниями изучаемых предметов она не отличалась, на втором курсе собиралась выбрать инженерное направление, потому что в программировании и в математике разбиралась не особо хорошо. Впрочем, и на будущего инженера она не была похожа. Она была прирождённым руководителем – и на этом все её студенческие достоинства исчерпывались. Рита с первых дней подружилась с Илонкой.

Две другие девушки были значительно скромнее: даже с общительной Илонкой они разговаривали мало, а Риту и вовсе как будто не видели. Казалось, они не замечали, что девчонок в группе всего четыре, поэтому отношения между ними должны быть особенными.

Когда прошёл месяц учёбы, было решено отметить день группы. Илонка была главным организатором. Хотя собрать людей активно помогал ей Алексей – высокий парень, приходивший на занятия всё время в пиджаке и галстуке, с громким голосом, с лидерскими качествами. Поговаривали, что Алексей в школе был далеко не отличником, ни на какую медаль он не шёл, в отличие от многих одноклассников. Но в институте он был одним из тех самых вундеркиндов, которые разбираются буквально во всём. Исключением был русский язык, с которым у Алексея были серьёзные проблемы. От других вундеркиндов и просто очень хороших студентов Алексей отличался недисциплинированностью и раскрепощённостью, особенно за пределами института. Его можно было часто увидеть с пивом в руке после занятий. Поговаривали, что несколько раз его хотели выгнать из общежития за «плохое» поведение. Пришлось ему поменять несколько соседей по комнате, чтобы найти компанию по душе – компанию людей, у которых учёба была на втором месте. Посредственные люди наверняка считали, что Алексей – обыкновенный, ничем не привлекательный молодой человек, который, подобно многим своим ровесникам, любит довольно примитивные развлечения – выпить в компании друзей, сходить на дискотеку и т. д. Более же внимательные люди обнаружили бы за внешней «примитивностью» глубокий ум и восхились бы его способностями, а «примитивным» Алексей казался во многом из-за того, что сам людей не классифицировал по степени «сложности» – редкое качество у людей, метящих высоко.

Рите Алексей не нравился. Не нравился именно из-за своей «примитивности». Она насмотрелась на таких типов ещё в деревне. И со многими из таких типов она перецеловалась и повстречалась. В институте она не ожидала увидеть таких. Правда, те парни в деревне не разбирались в математическом анализе, да и вообще имели образование шесть-семь классов, а во всём остальном они в глазах Риты были похожи на Алексея.

Алексей жил в общежитии в одной комнате с Игорем Мироненко. Эти два парня быстро нашли общий язык, хотя Игорь пил намного меньше и учёбе уделял намного больше внимания, но он, как и его приятель Алексей, был в первую очередь, что называется, умным, а уже затем – трудоголиком. Несмотря на то, что все знали, что Игорь и Алексей – лучшие друзья, эта дружба почему-то не бросалась в глаза. Тихий, спокойный и молчаливый Игорь Мироненко так сильно отличался от общежительного соседа, что вряд ли кто-то посторонний мог предположить, что они – лучшие друзья. Они даже сидели обыкновенно вовсе не за одной партой. Опять же, посредственным людям эта дружба наверняка казалась временным явлением, которое закончится, должно быть, уже на втором курсе, когда разойдутся академические пути ребят. Более же проницательный человек восхитился бы этой дружбой, существующей даже на расстоянии, восхитился бы её немногословностью.

Игорь понравился Рите с первых дней. Ей начало казаться, что о таком молодом человеке она иногда мечтала, сидя на коленках какого-нибудь деревенского парня в клубе.

День группы было решено провести в общежитии в комнате Игоря Мироненко и Алексея. В полном распоряжении студентов была ещё соседняя комната – на случай, если места в комнате Игоря и Алексея не хватит. Многие местные не пришли, зато из общежития посетили день группы все. Приехал даже один парень из Долгопрудного. Причём побыл он совсем немного. Рита думала, что он постарше всех первокурсников, хотя она могла и ошибаться. Просто ей показалось, что во взгляде этого парня сквозило пренебрежительное отношение к забавам первокурсников.

Выяснилось, что хорошим другом Алексея и Игоря является ещё и Женя – местный парень с длинными волосами. Женя всё время ходил в чёрном и одевался несколько неряшливо, как панк. Рита лишь несколько раз видела его на занятиях. Учёбу Женя, похоже, собирался бросать. Выяснилось также, что Женя был знаком с музыкантами рок-группы, которая практически каждый день репетировала в какой-то каморке, находящейся в кинотеатре «Эра». И Игорь Мироненко, и Алексей часто посещали эту каморку, хотя ни первый, ни уж тем более второй не были похожи на любителей тяжёлой музыки. В кинотеатре «Эра» редко показывали фильмы. В основном туда ходили днём на детские спектакли, а по вечерам там никого не было.

Рита сразу, как только узнала это, невзлюбила Женю. «Наверняка в той каморке прокурено, – подумала она. – А собирается там не пойми кто только лишь для того, чтобы попить пива, послушать музыку и поговорить об абсолютно неинтересных вещах». По деревне она хорошо знала такое времяпрепровождение. Не ожидала она увидеть таких людей в институте.

Любителей алкогольных напитков в группе было немного. Две девушки не пили вовсе. Зато Илонка пила наравне с Алексеем и пьянела на глазах. Но даже в поведении её на дне группы было что-то такое, присущее только прирожденным руководителям и организаторам, то есть людям, думающим не только о себе и собственных действиях, но и о том, как бы сделать так, чтобы другие думали о том же.

Алексей и Игорь пили много, но ни тот, ни другой не пьянели. И, как обычно, друг с другом они общались очень мало и находились друг от друга на расстоянии. Только по тем моментам, когда Алексей разливал водку, становилось понятно, что Алексей и Игорь – хорошие друзья.

Рита сперва пила пиво, но после одной бутылки перешла на водку.

– Слушай, как ты можешь пить так много? – недоумевала Рита, глядя на Алексея.

– Не бойся, тебе хватит, – отвечал Алексей, наливая в стакан Рите.

– Ну, наконец-то! – восхищалась Илонка. – А я-то думала, что я одна такая плохая.

Алексей всё меньше и меньше нравился Рите. Пьёт как лошадь. На девчонок вообще как будто не обращает внимания. Ведёт какие-то дурацкие разговоры с людьми, ничем не примечательными, например, с этим Женей. Рита подумала, что Алексей – неискренний человек.

Совсем не таким ей казался Игорь, доброе лицо которого, казалось, говорило о расположении ко всем.

– Тебе не надоел твой сосед? – спросила Рита, подсаживаясь к Игорю.

Игорь словно не понял этого вопроса, и Рита с новой силой почувствовала неприязнь к Алексею. Фальшивый человек! И своей фальшью внушает уважение!

– Откуда ты? – спросила Рита.

– Из Твери.

– Нравится тебе здесь учиться?

– Не особо, – после небольшой паузы ответил Игорь. – Нет, учиться, конечно, мне нравится. Но я бы предпочёл жить в Твери. Думаю, я бы не стал поступать сюда, если бы не домашний бардак. Как я рад, что свалил из дома!

– А что такое? – удивилась Рита. Слова Игоря произвели на неё определённое впечатление. Игорь ей казался каким-то особенным, а оказывается, у него дома тоже бардак.

– Я тебе не могу рассказать об этом. Сейчас. В другой раз только.

– Буду рада чем-нибудь помочь.

Игорь сделал такое выражение лица, будто бы давал понять: помочь ему никто не в силах.

– Не грусти, – сказала Рита, положив свою ладонь на ладонь Игоря.

На этом разговор закончился. Несмотря на то, что девушек в группе было мало, кажется, никто ничего не заметил. Тем более, что поведение самой Риты оставалось после разговора с Игорем таким же, каким оно было до этого. Казалось, молодые люди перекинулись парой-тройкой реплик о том, какие будут в понедельник занятия.

Непьющие студенты начали потихоньку расходиться по домам и по своим комнатам. Ушли и две девушки. Уехал парень из Долгопрудного. А Алексей стал зазывать всех на улицу продолжить отмечать день группы. Эту затею поддержали совсем немногие. Даже Илонка, которая уже сидела на коленях Димы Пурьгина – одного из кандидатов на вылет из института после первой сессии, не проявляла особого интереса к затеям Алексея.

Рите тоже не хотелось продолжать отмечать день группы, и она начала собираться домой. Она видела, что Игорь тоже не особо хочет идти на улицу вместе со всеми и сидит потерянный. Подойдя к нему, Рита сказала, застёгивая осеннюю курточку:

– Думаю, пора домой.

– Ты далеко живёшь?

Рита сказала, где она живёт. В этот момент она даже не подозревала, что Игорь захочет её проводить. Всё-таки он был одним из двух хозяев комнаты и вроде как лучшим другом Алексея, который в этот момент продолжал зазывать всех на улицу. Было бы логично, если бы друг поддержал друга.

Но Игорь повёл себя, так сказать, в стиле своей дружбы с Алексеем. Ничего не говоря соседу и всем остальным, он последовал примеру Риты, надев куртку, и показал девушке на выход из комнаты. Этот жест обрадовал Риту, так как позволял ей уйти из уже изрядно поднадоевшей компании по-быстрому, без всяких затяжных церемоний прощаний. Одна бы она не смогла вот так уйти. Больше всего ей не хотелось прощаться с Алексеем. От таких, как он, по-тихому, бесцеремонно не уйдёшь.

На улице Рите подумалось, что быть незаметным иногда приятно. Но только этой незаметности можно добиться двумя способами – либо ни с кем тесно не общаться, а вместо этого углубляться в свой собственный мир. Либо же наоборот – углубиться в чужой мир. Игорю, похоже, удалось углубиться в мир Алексея настолько, что молодые люди понимали друг друга без слов.

На автобусной остановке они молчали, как будто душой находились ещё в тёплой комнате общежития. В этот момент Рита не помнила, что Игорь из Твери, о чём он сказал ей буквально час назад.

В автобусе было много народа, поэтому никакого содержательного разговора между молодыми людьми не получилось.

И только когда они уже подходили к дому Риты, Игорь напомнил об их сегодняшнем разговоре.

– Тебе до сих пор интересно знать, почему я рад, что свалил из дома?

Рита недоуменно посмотрела на него. По правде говоря, она только в автобусе, стоя в неудобном положении, иногда вспоминала о словах Игоря. На остановке, как уже говорилось, она не помнила об их разговоре. А когда они вышли из автобуса, шёл небольшой дождь, и Рита думала только о том, как бы поскорее им дойти до дома, не сильно промокнув.

– Да, расскажи, – сказала Рита. – Наверное, это интересная история. Давай зайдём ко мне домой. Дождь усиливается – а тебе идти обратно. Хоть дождь пережди у меня.

Игорь без колебаний принял предложение Риты, и девушке почему-то стало страшно. Она испугалась, что Игорь расскажет ей что-то неприятное.

Рассказ же его оказался не таким уж и страшным, хотя настроение Рите он испортил. Выяснилось, что у Игоря есть старший брат-наркоман. «Но ведь в наше время у многих такие проблемы», – подумала Рита. У неё вон тоже сестра шляется по всяким компаниям и учится не очень хорошо. Рита даже хотела сказать об этом собеседнику, но передумала – после того как Игорь добавил, что брат сейчас подозревается в грабеже и продаже наркотиков и находится под стражей. Тут уж параллели с Машей провести никак не удавалось.

Выяснилось также, что родители Игоря бедные и часто ссорятся. Казалось, несчастье, случившееся со старшим сыном, должно было объединить отца и мать, но этого не произошло: родители Игоря обвиняли друг друга в произошедшем. Но при этом продолжали делать всё для него, то есть для сына. Огромные суммы денег были потрачены сперва на наркологов, а затем на адвокатов. А теперь вот ещё и младший сын поступил в МИЭТ... Где взять денег?

Когда Игорь всё это рассказывал, Рита обратила внимание на то, что он пьян, хотя разница между трезвым Игорем и пьяным была несущественной.

– Как ты понимаешь, – говорил Игорь, – я в любой момент могу остаться без средств к существованию. Сейчас мне присылают родители хоть какие-то деньги, но, я так подозреваю, что близок тот день, когда мне придётся либо уезжать домой, либо идти работать. Хотя найти работу, которую можно совмещать с учёбой на первом курсе, очень сложно. Да и толку от такой учёбы не будет никакого.

– Согласна, – сказала Рита. Сама она не думала о работе раньше пятого курса. Учёба ей казалась намного важнее.

– Сказать по правде, я не сильно дорожу этой учёбой. Она для меня, можно сказать, только предлог уехать из дома. Я хотел бы жить в Твери, найти там любую работу, накопить немного денег и открыть свою мастерскую по ремонту мотоциклов. Мы в подростковом возрасте мечтали об этом с пацанами. В мотоциклах я хорошо разбираюсь, а в машинах поменьше, поэтому ремонтировали бы в моей мастерской только мотоциклы. Я бы сам ремонтировал, имея минимум помощников. Бизнесменом, эксплуатирующим наёмный труд, я не собираюсь становиться. Думаю, много денег таким способом я бы не зарабатывал, но своя клиентура была бы. – Игорь помолчал, а затем продолжил: – Но жить со своей семьёй я не хочу, поэтому приходится искать счастья поближе к Москве. Всё люди, люди. Ты просто не представляешь, что собой представляют мои родители и братец!

Рите казалось неправильным плохо говорить о своей семье. У неё тоже в этом плане не всё так здорово, но зачем так плохо отзываться об отце, матери. Непонятно. Рита свалила всё на действие алкоголя. Но что её поразило в рассказе Игоря больше всего, так это его слова о том, что он не дорожит учёбой и с удовольствием взялся бы вместо неё за любую работу, чтобы лет через неизвестно сколько надеть на себя комбинезон механика и весь день крутить гайки и обонять запах масла. Игорь был необычайно способным студентом; его легко можно

было бы представить программистом, руководящим каким-нибудь новаторским амбициозным проектом. «Откуда у него такой пессимизм?» – недоумевала Рита.

– Я думаю, твою мечту можно будет осуществить гораздо быстрее через пять лет, после получения диплома. А пока просто наслаждайся студенческой жизнью.

Игорь улыбнулся. Похоже, эти слова вдохнули в него уверенность. Рита села ему на колени и поцеловала. Игорь после этого забеспокоился по поводу того, что в комнату может зайти мать или сестра, которые в этот момент были дома, но Рита успокоила его, сказав, что ничего страшного не будет.

Они полчаса вот так сидели и целовались, а затем Игорь сказал, что пора ему домой.

– Дождик ещё не закончился, – забеспокоилась Рита, – а ты и так весь дрожишь.

– Да я не от холода дрожу, – сказал Игорь, после чего чему-то заулыбался.

Эта улыбка вызвала интерес у Риты, и в понедельник во время большого перерыва она, рассказывая обо всём Илонке, заострила внимание на этой улыбке.

– Да девственники они все, – объяснила Илонка с присущей ей пронизательностью, выразившейся в умении говорить то, услышав что, ей не будут задавать больше вопросов из этой области. Одним словом, Илонка любила говорить, но обо всём понемножку, так как ни в одной сфере жизни не разбиралась и всячески старалась закрывать некоторые темы одной фразой. Одним из любимых её приёмов было использование множественного числа.

С тех пор Рита и Игорь начали постоянно встречаться.

После занятий парочка любила прогуливаться по лесу, благо осень была тёплой. Иногда Рита приглашала молодого человека к себе домой. Чем больше она узнавала Игоря, тем больше она восхищалась сочетанием его ума и простоты.

Однажды Игорь пригласил девушку в кинотеатр «Эра». Не кино посмотреть, а попристутствовать на репетиции той самой рок-группы, которую знал Женя.

– Зачем нам туда переться? – недоумевала девушка.

– Я хочу туда пойти – и всё тут.

Категоричный тон Игоря заставил Риту переменить свой собственный недовольный тон на более дружелюбный.

Воображение Риты начало рисовать непривлекательную картину – прокуренную каморку, где собираются полупьяные ребята, громкую музыку и много-много выпендрёжа, которым славились все знакомые Рите рок-музыканты.

И воображение её не обмануло. Сразу, как только Рита вместе с Игорем переступила порог репетиционной базы, она вспомнила деревенский так называемый клуб. Причём он показался более привлекательным. Нахлынули негативные мысли. Девушка недоумевала, как Игорю может нравиться подобная компания, подобное времяпрепровождение. От человека его умственных способностей она не ожидала такого. И сразу сделала вид, что обиделась. Но это не принесло желаемого результата: Игорь увлечённо разговаривал с приятелями, а Риту будто не замечал. Разница между пьяным и трезвым Игорем показалась Рите уже более заметной.

Что касается всех многочисленных приятелей Игоря, то они словно боялись хотя бы посмотреть в сторону Риты. С одной стороны, это даже радовало девушку. Но с другой – усиливало ощущение одиночества и ощущение недовольства Игорем. Куда он её позвал?!

Но тяжело было только в первые два часа. Потом, когда ребята заиграли знакомую Рите песню, у девушки появилась возможность сказать своё слово.

– А вот это я знаю, – прервала молчание Рита, после чего все посмотрели на неё.

Музыканты будто обрадовались первым словам новой знакомой, обращённым ко всем собравшимся, а не только к Игорю, и стали чаще смотреть в её сторону, хотя во взгляде их по-прежнему сквозила неловкость. Казалось, они перестали считать нахождение здесь Риты неуместным, но были ещё не уверены, что подруге Игоря песня нравится на самом деле.

И от этого улучшилось настроение самой Риты. Ей перестало казаться, что её не замечают только потому, что она малолетка какая-то, взявшаяся не пойми откуда. Подумалось, что не замечают её из-за того, что все уважают Игоря.

Вот если бы её привёл сюда Алексей, с ней бы начали обращаться фамильярно с первых минут. Наверное, это так здорово, когда никто о тебе ничего не знает и даже боится спросить о тебе, но при этом везде быть своим. «И этого легко достичь, имея под рукой такого человека, как Игорь», – подумала Рита.

Компания Рите была неприятна; такие люди никогда не были в её вкусе. «Но если полностью не пускать этих людей в свой мир, то общаться с ними не так уж и плохо», – сделала вывод девушка.

Рита стала качать головой в такт музыке. Удивительную реакцию это вызвало у Игоря! Казалось, он был не рад радости своей девушки. Если в начале он сам совершал различные телодвижения, выражая тем самым восхищение песнями, восхищение своими друзьями и восхищение своей расслабленностью, то потом он будто передал эстафетную палочку довольства происходящим Рите. Он сразу как-то посерьёзней и стал походить на себя во время занятий в институте. Рита этого не могла не заметить. И, похоже, это заметили и другие.

– Где друга своего забыл? – спросил у Игоря самый старший из музыкантов – небольшого роста мужичок с уже начинающими сесть длинными волосами.

Игорь только пожал плечами.

– Он, наверное, делает БДЗ, – ответила за Игоря Рита. Тон её был оскорбительным, будто она считала, что делать большое домашнее задание – это постыдное занятие, особенно, когда есть возможность расслабиться.

В каморке было окно, выходящее в зал кинотеатра. В самом низу зала стоял мотоцикл, а возле него крутились какие-то ребята. Один из приятелей Игоря – тот, который был наиболее пьяным, увидев это, вылетел из каморки со словами:

– Надо погонять!

Рите эта идея показалась забавной. Она вспомнила, как каталась на мотоциклах в деревне.

– Вау! Как круто! Я тоже хочу, – сказала Рита, после чего витавшие сомнения собравшихся в каморке ребят развеялись: все решили, что Рита своя.

Правда, покататься Рите не удалось: тот самый пьяный парень чуть ли не сбил на мотоцикле человека, после чего сам упал и травмировал себе ногу. Музыка в каморке смолкла. Падение с мотоцикла приятеля выбило всех из колеи. Выяснилось, что парень ходить может самостоятельно, «скорую» вызывать было необязательно. Зато мотоцикл пострадал сильно. Все ребята стали ломать голову, как бы его починить.

– Пойдём отсюда, – сказала Рита Игорю. Происходящее начинало её напрягать. – Здесь и без нас разберутся.

Игорь не спешил уходить, но всё же поддался на уговоры Риты.

По дороге до дома Рита рассказала Игорю, как каталась на мотоциклах в деревне и какие были приключения там.

В общем и целом Рита была довольна проведённым вечером. По крайней мере, он получился намного лучше, чем рисовало её воображение. Хотя концовка вышла не самая приятная.

Игорь после этого долго не приглашал Риту на репетиционную базу. Но при этом, девушка знала, ходил туда частенько сам. Молодые люди стали меньше времени проводить вместе. Даже в институте они стали общаться меньше, а прогулки после учёбы и вовсе прекратились. Рита пыталась понять, откуда появилась такая холодность в их отношениях, но каких-то более-менее логичных объяснений не находила. Просто разлюбил, наверное, и всё тут. Сам Мироненко всегда избегал так называемых серьёзных разговоров. И Рита, чтобы разобраться в мыслях и чувствах Игоря, нередко затевала разговор с Алексеем. Но тот, похоже, знал о

том, что происходит с другом, даже меньше Риты. Человеческие отношения его нисколько не волновали. Изменения социальных статусов и ролей проходили мимо его внимания, все одноклассники оставались для него тем же, чем они были первого сентября.

Однажды в гостях у тётки Нади Рита рассказала о своих отношениях с Игорем двоюродной сестре Наташе.

– Какой-то он странный! Я даже не знаю, что с ним, – жаловалась Рита. И тут она решила поделиться с двоюродной сестрой замечанием Илонки: – Староста предположила, что он девственник. Но разве такое возможно? В восемнадцать-то лет!

Наташа не сразу нашлась, что ответить. Но всё-таки сказала:

– Рита, при чём здесь это? Да даже если и так, то что с того? Не все же люди сношаются как кролики уже в подростковом возрасте. Он же мальчик, как я поняла, умный. На первом месте у него, может быть, учёба, а уже потом – всё остальное.

Слова двоюродной сестры произвели на Риту удивительное впечатление. Меньше всего она хотела услышать про учёбу. Игорь всегда казался ей человеком равнодушным к учёбе, но при этом – имеющим к ней способности. Рита прекрасно знала, что существуют такие люди, которых упомянула Наташа, но никогда бы она не подумала, что к числу этих людей относится и Игорь. Но, с другой стороны, отрицать тот факт, что Игорь – способный человек, для которого учёба, быть может, на самом деле на первом месте, ей совсем не хотелось. Реальный мир Риты населяли существа с некими далеко не самыми привлекательными чертами, а идеальный мир – существа, осознавшие непривлекательность этих черт и научившиеся прятать их, но при этом не отказавшиеся от них совсем. Одним словом, Рита думала, что ум нужен людям только для тщеславной маскировки неких примитивных черт.

Разговор с двоюродной сестрой Рита продолжать не хотела.

В один день Игорь и Рита не перекинулись в институте даже парой слов. И после этого девушка вспомнила свои первые впечатления от пребывания на репетиционной базе. Каким Игорь там был не похожим на себя! «Всё же вряд ли такая компания может благотворно влиять на поведение человека», – решила она.

– Ты часто ходишь к своим друзьям-музыкантам? – поинтересовалась Рита на следующий день.

Реакция Игоря удивила девушку. Она ожидала увидеть равнодушие, удивление, неприязнь. Что угодно, кроме улыбки.

– Ты ещё помнишь о них?

– Как же мне не помнить. После всего того, что случилось с мотоциклом.

– Я не думал, что мотоциклы долго хранятся в твоей памяти.

Девушка не поняла, к чему клонит Игорь. Она сказала:

– Зря ты там проводишь вечера. Мне кажется, у тебя более высокий интеллектуальный уровень.

– Тебе же самой там понравилось.

– Ничего мне там не понравилось. Все пьяные, музыка какая-то... Что ты там забыл?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.